

ЭЛЕОНОРА РАТКЕВИЧ

ЛАРЕ-И-Т'АЭ

Найлисский Цикл

Элеонора Раткевич

Ларе-и-т'аз

«Демина Людмила Дмитриевна»

2004

Раткевич Э. Г.

Ларе-и-т'аэ / Э. Г. Раткевич — «Демина Людмила Дмитриевна»,
2004 — (Найлиссский Цикл)

ISBN 978-5-699-38823-3

Свершилось невозможное – эльфийский принц Эннеари, презрев запрет, навеки отделивший Перворожденных от людей, стал другом и побратимом Лерметта, принца одного из людских королевств, и помог ему в борьбе против узурпатора трона. Теперь беда грозит равно и людям, и эльфам, и гномам... Недавние враги вынуждены, забыв о личных распрях, вступить в переговоры, чтобы вместе противостоять грядущей опасности. Однако кто-то из участников переговоров готов пожертвовать судьбой всего мира, дабы совершить предательство и покорить земли недавних союзников. Кто он? Лерметт и Эннеари должны выяснить это, пока не поздно...

ISBN 978-5-699-38823-3

© Раткевич Э. Г., 2004

© Демина Людмила Дмитриевна, 2004

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	32
Глава 3	55
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Элеонора Раткевич

Ларе-и-т'аэ

Пролог

Лето едва перевалило на последнюю свою треть, и в воздухе не ощущалось никакого, даже самого незаметного дыхания осени – вот разве только рассвет вступал в свои права по-осеннему медлительно. В его неторопливых лучах розовели смущенным румянцем крутобокие яблоки. Смущались они, очевидно, неожиданного соседства: совсем рядом с яблоками торчали из листвы две заспанные, но исполненные энтузиазма физиономии. Ладно, хоть Аркье нашел себе заделье – в последнюю минуту вновь проверить, в порядке ли лошади... в который уже раз за утро. Зато Ниест и Лэккеан честь-честью расселись на ветке, словно именно там и полагается сидеть юным многообещающим эльфам перед самым отбытием посольства.

Эннеари искоса взглянул на яблоню – украдкой, чтобы Лэккеан и Ниест не заметили, что на них смотрят и не вообразили себе невесть чего. Иначе в их мудрые головы всенепременно взбредет, будто Эннеари одобряет такое несолидное поведение. Ведь если смотрит и молчит, значит, одобряет. А если не молчать и попросить их слезть с яблони... Эннеари только рукой махнул. Совершенно бесполезная затея. Покуда эта парочка восседает на ветке, он хотя бы знает, где они – а вот если их оттуда согнать, то ни одной живой душе не может быть ведомо, куда они улизнут и что станут там вытворять. Мальчишки, ну как есть мальчишки! Никакого с ними сладу. Ни на миг нельзя их без пригляду оставить. Похоже, в Найлиссе Эннеари с ними еще хлебнет горяченького... а ведь не взять их с собой ну никак невозможно. Во-первых, Лерметт, не увидев их в числе прочих участников посольства, наверняка спросит, куда они подевались – и что на такой вопрос отвечать? Дома сидят, по деревьям лазают – одним словом, должной солидностью не обзавелись, а значит, для посольства негодны? Смех, да и только. Можно подумать, Лерметт и сам не знает, что такое неразлучная тройца – Аркье, Ниест и Лэккеан. Уж чего-чего, а разумного поведения он от них ну никак не ожидает. Притом же они к Лерметту потянулись всей душой – кто, как не он, спас их сначала от мучительной смерти, а потом от гнева Эннеари? Нет, что ни говори, а нет у Эннеари такого права – не допустить юнцов до встречи с их кумиром... да и возможности такой тоже нет. Хоть бы он и вздумал им запретить – даже если они не догадаются воззвать к Праву Королевы, то уж утянутся следом за Эннеари без спросу они всяко смекнут. Они ведь Лерметта готовы на руках носить... может, стоит намекнуть им, что Лерметт даже в бытность свою всего-навсего принцем уважал сан полномочного посла и не лазил по деревьям, не окончив посольства?

Эннеари вздохнул и перевел взгляд на лужайку. По тяжелой, налитой соками всего лета траве бродили остальные участники посольства, разодетые кто во что горазд. Алое, лазурное, огненно-рыжее, фиолетовое... только двое остались верны традиционному для эльфов зеленому цвету. Часа, назначенного для отъезда, ждать оставалось совсем уже недолго, но Эннеари впервые в жизни казалось, что время замерло, остановилось, что оно совсем не движется – а то и пустилось вспять, лелея злоехидное намерение в кои-то веки обмануть всех и вся.

С усилием отогнав эту нелепую мысль, Эннеари снова чуть приметно вздохнул и без всякой нужды одернул манжеты своей белоснежной рубашки. Излюбленный его наряд, простая белая рубашка при узких черных штанах... точная копия прошлогоднего одеяния Лерметта. Вот только синий плащ прикрывает собой плечи новоявленного посла, а не...

Эннеари яростно стиснул губы до ледяной белизны, и непрошенное мысленное видение сгнуло.

– Ты все-таки решил не надевать зеленого? – поинтересовался король Ренган.

Эннеари едва не вздрогнул. Это же надо так задуматься – отец подошел к нему совсем вплотную, а он и не услышал.

– Конечно, – ответил Эннеари. – Хорош бы я был в синем посольском плаще поверх зеленых одежд. Красота, да и только.

– А остальные? – поинтересовался Ренган, устремив на сына спокойный взгляд.

– Мы же все-таки с посольством едем, – пожал плечами Эннеари. – Нам лишние осложнения в дороге и вовсе ни к чему. Сам подумай – едет по дорогам Найлисса этакая орава эльфов, и все одним цветом, словно воинский отряд... что люди о нас подумают? Особенно после всего, что стряслось прошлым летом...

– А-а, – протянул Ренган удивительно невинным тоном. – А я-то думал, ты боишься, что твоего Лерметта упрекать станут – дескать, откуда к тебе столько лягушек понаехало?

Эннеари от неожиданности поперхнулся смехом.

– По-моему, – заявил он, откашлявшись и утерев с глаз выступившие слезы смеха, – на самом деле ты о моем посольстве больше меня беспокоишься.

Ренган помедлил немного и утвердительно улыбнулся в ответ.

– И почему бы, а? – поинтересовался Эннеари.

– Да потому, что я догадываюсь, зачем ты едешь, – ответил король. – Нет, не догадываюсь – знаю.

Сердце Эннеари отчаянно трепыхнулось в груди и замерло. Неужели... да нет же, нет, быть того не может!

– Ты о чем? – спросил он как можно небрежнее.

– Арьен... – Улыбка отца была полна такого печального и мудрого понимания, что у Эннеари захватило дух. – Как я мог не догадаться? Я ведь вижу, кого ты взял с собой – этого уже одного достаточно. Да и потом – а разве могло быть иначе? Разве мыслимо представить себе, чтоб ты не попытался?

Эннеари опустил голову.

– Арьен, я ведь ни единого мгновения не сомневался, что именно это ты и сделаешь. Когда я повстречал Лавелля, для него это случилось непоправимо поздно. А вот Лерметт – дело иное, верно?

– Да, – ответил Эннеари, не подымая головы. Он и предположить не мог, что отец разгадал его до самого дна души.

– Удачи тебе, – очень серьезно произнес Ренган. – Удачи.

Глава 1

Посольские ворота

Какой-то назойливый звук тихо зудел на грани слышимости, мешая сосредоточиться. Илмерран с подозрением уставился на кончик своего пера – волосок, что ли, прилип и поскрипывает? Да нет, перо вроде бы в порядке. Никаких волосков и песчинок не видать. Да и очищено перо на совесть. Нечему тут скрипеть.

На всякий случай Илмерран вынул перо из зажима, вставил новое из только что распечатанной пачки, обмакнул его остро зачищенный расщепленный кончик в чернильницу и на мгновение замер, вновь собираясь с мыслями.

Звук повторился.

Ну конечно! И как только Илмеррану могло прийти в голову, что у него скрипит перо? Разве у гнома может перо скрипеть? Разве у гнома в его рабочем кабинете может хоть что-нибудь отвлекать от дела? Не перо это скрипит и не комар зудит – нет и не может быть в кабинете Илмеррана никаких комаров. Здесь тихо и покойно, как и должно быть в рабочем кабинете любого уважающего себя гнома. Вне всякого сомнения, настырный звук исходит снаружи, из-за дверей.

Илмерран решительно обмакнул перо в чернильницу еще раз, подумал немного и так же решительно отложил перо. Нет, хочешь не хочешь, а надо разобраться, что же там снаружи творится. Все равно он не сможет нормально работать, пока не избавится от этой докуки. С чем-нибудь несложным, вроде расчета ежегодного государственного бюджета, он бы управился шутя, невзирая ни на какую помеху – даже вздумай пьяный в доску бродячий менестрель под самым ухом у Илмеррана настраивать свою раздребезженную лютню, которая отродясь не могла извлечь из себя ни одной нефальшивой ноты. Так то – бюджет. Всего-то навсего. Дело простое, незатейливое. А вот нынешняя его работа... к приезду короля все расчеты должны быть не только закончены, но и перебелены – и Илмеррану даже думать страшно, что может случиться, если он ошибется хоть в самой малейшей малости. Да, конечно, он всегда проверял и перепроверял написанное им не единожды. Да, за последние двести тридцать восемь лет он не допустил ни единой ошибки, не сделал ни единой помарки. Но и работы настолько сложной у него еще не было.

Илмерран осторожно подошел к дверям и прислушался.

Так и есть!

– Занят Его Всезнайство, занят! – яростным шепотом втолковывал кому-то паж. – Ну сколько можно повторять – занят!

Его Всезнайство! Илмерран тихо фыркнул. Арамейльский университет поименовал его доктором и почетным доктором различных наук. Сородичи уважительно называют его Наставником Королей. Его величество Риенн, ныне покойный король, назвал Илмеррана первым советником. А титулуют его тем нелепым прозвищем, которым Лерметт, будучи еще малолетним принцем, наградил своего наставника на третий же день знакомства. И по сейчас еще именно так он его и зовет. Остальные, впрочем, тоже, хоть и не в лицо – зато заглазно с легкой руки Лерметта никто его иначе и не называет. Нахальный мальчишка. Никакого почтения к сединам своего учителя – ну то есть совершенно никакого.

Илмерран хмыкнул, приосанился и распахнул двери.

– Свободен Его Всезнайство, – величаво проворчал он. – Что там у вас?

Возле пажа, бдительно оберегающего его покой от докучливых посетителей, переминался с ноги на ногу незнакомый Илмеррану юнец с выгоревшей на солнце почти добела шевелюрой и густо загорелым лицом. Судя по его пропыленной одежде и пятнышкам самой разнообразной

по минеральному происхождению грязи, густо усеявшим дорожные сапоги, гонец – причем проскакавший дня два без отдыха. Илмерран принахмурился. Да что же такого неотложного могло случиться?

– Посольство... – выдохнул гонец. – Эльфийское посольство... они уже выехали!

Ну что же. Приятно сознавать, что по крайней мере еще одного своего воспитанника Илмерран хоть к какому-то подобию пунктуальности приучил.

– Они уже и Луговину проехали! – трагически простонал гонец. – А его величество все еще не вернулся.

– Ничего страшного, – с облегчением произнес Илмерран. – его величество вернется точно к сроку. Вы свободны, юноша. Идите отдыхать – вы в этом крайне нуждаетесь. Я распряжусь, чтобы дворец начали готовить к приему послов.

Успокоенный гонец поблагодарил и удалился восвояси, а Илмерран призадумался, да так и остался стоять в дверях. Легко сказать – вернется к сроку – а ну как нет? Конечно, Лерметт – мальчик на редкость обязательный, тем более для человека. Уж если он сказал, к которому часу какого дня вернется, на стол можно смело подавать к его приезду горячий обед минута в минуту. Но все-таки... мало ли какие непредвиденные случайности могут приключиться в дороге? Что с того, что Лерметт никогда и никуда не опаздывал – все когда-нибудь происходит впервые.

Но даже если король и опоздает к приезду эльфов – что тут такого? Разве Илмерран не найдет, чем занять своих бывших воспитанников, чтобы не заскучали – с пользой занять, с толком! Парочку лекций из истории Найлисса – небольших, всего-то часов по восемь каждая – потом беглый экзамен... ну, а там, глядишь, король уже и вернется.

Илмерран вошел в свой кабинет и тщательно прикрыл за собой двери.

Гуси были повсюду. Их было много, и они были наглые. Нет, не то чтобы они шипели, щипались, налетали на смиренно идущих коней, вроде свирепого деревенского петуха, виденного эльфами третьего дня, или как иначе нахальничали над проезжими. Просто они были действительно повсюду. Коню копыто поставить некуда: поднимет ногу, чтобы ступить – а опускать ее куда, не на гуся же! Здешние гуси явно имели свое понятие, кто тут главный, и прохода, а уж тем более проезда, не давали никому. И кто сказал, будто гусь – птица осторожная? Вранье, вранье! Гусь – птица наглая.

Еще ведь и гуси какие – Эннеари подобных сроду не видывал. Крупные, откормленные, как и подобает гусям домашним – а сами не белые, а серые, и перо у них мелкое, как у диких. И вдобавок на груди пуховых перьев столько, что кроющие просто дыбом стоят – издали ну точь-в-точь видится, будто взяли парик, перьев в него понавтыкали, да и натянули на эту пернатую несурзаицу. И как им только не тяжело носить такой нагрудник – да кстати, и зачем?

Зачем нагрудник гуся, Эннеари так и не догадался – ни в тот раз, ни после. А вот зачем нагрудник гусевладельцам, он понял очень и очень скоро. Едва только эльфийским всадникам удалось с умопомрачительной скоростью три шага в минуту преодолеть забитую гусями улочку и завернуть за угол, как их глазам тут же предстало зрелище, не оставляющее места для сомнений: загорелая девчонка, почти уже взрослая девушка, обирала пух с груди распростертого у нее на коленях гуся и тут же складывала в привесной карман. Гусь относился к этой процедуре философски, словно овца к стрижке. Он лежал, развальясь самым блаженным образом, не делая ни малейших попыток вырваться или ущемить девицу клювом, и лишь время от времени равнодушно орал – просто так, для порядка: пусть видят, как невинная птица страдает!

– Красавица, – окликнул девушку Эннеари, – как нам проехать к Найлиссским воротам?

Девица подняла на эльфа быстрые лукавые глаза, на мгновение оставив было гуся в покое.

– А вам которые ворота – куда ближе или куда лучше? – поинтересовалась она, возвращаясь к прерванному занятию.

– Куда угодно! – поневоле вырвалось у Арьена.

– А какая разница? – Лэккеан не преминул подмигнуть девушке так весело, что руки у нее сами собой опустились.

– Если которые ближе, – ответила девица, – то вам направо, к Рыбным Воротам. Это если вам по душе через рыбный рынок продираться. Тут вам и свежие ряды, и засольные, и копильные – как раз к послезавтрему платья и проветрите.

– Только не это! – искренне ужаснулся Эннеари. Он отлично помнил, как Лерметт год назад в бытность свою послом хлопотал о том, чтобы выглядеть достойно. Навряд ли в его понятия входит явление послов, от которых отчаянно разит рыбой. Войны из этого, конечно, никакой не воспоследует – его найлисское величество Лерметт вовсе ведь не дурак – но что напишут в хрониках... вовек не отмоешься! Гномы – народ обстоятельный, а уж их летописцы так и вовсе ни единой мелочи не упустят... это ж сколько сотен лет важные бородатые профессора Арамейля будут твердить студентам: «Это было в тот год, когда в Найлисс прибыли эльфийские послы, смердящие, словно рыбный рынок!» Да и кто, в конце концов, видел, чтобы от эльфа рыбой несло?

– А тогда вам налево, – охотно откликнулась девица. – Как выберетесь из Гусинки...

Положим, это и есть самая существенная часть дела, подумал Арьен – выбраться из Гусинки.

– ...поезжайте налево, вдоль Мельничной стены, тут вам ворота и обозначатся.

Позабытый девицей ради красавца эльфа недощипанный гусь вытянул шею и возмущенно загоготал, гневно требуя прежней заботы. Девушка вновь прилежно склонилась над гусем; ее руки так и замелькали.

– Там тоже рынок будет, – сообщила она, не подымая головы. – Зерновой, мукомольный и солодовый. Только вам через него ехать не надо.

– Спасибо! – едва успел крикнуть Эннеари прежде, чем в переулочек вывалилась очередная стая гусей, вынуждая всадников ехать в одном с ними направлении и с той же скоростью.

Это и был единственный способ преодоления Гусинки: не бороздить гусей против течения, а пристроиться за гусиным водоворотом и следовать ему в надежде, что куда-нибудь он авось да выведет. Надежда оказалась неложной. Новооткрытый метод не подвел: не прошло и полутора часов, как замороженные эльфы, пристраиваясь в хвост то одному, то другому гусиному тайфуну, все-таки выбрались к городской стене Найлисса.

– Все-таки свернуть с большой дороги, чтобы осмотреть окрестности – это была не самая лучшая идея, – энергично высказал Лоайре, как только неумолчный гогот хоть немного притих у него в голове.

– Да, – отозвался Эннеари. – А чья это была идея, к слову сказать?

– Нечего было потакать моим глупостям, – с достоинством ответил Лоайре. – Ты должен был настоять на своем.

– С какой это стати? – лениво ухмыльнулся Эннеари. – Мне ведь тоже хотелось осмотреть окрестности.

Илери, Джеланн и Наэле – чего и ждать от девушек! – незамедлительно расхохотались... да и прочие шестеро девушек от них не отстали. Вечная девичья привычка – поднимать мужчин на смех. Можно подумать, здесь кто-то и впрямь сказал нечто забавное.

На самом-то деле затея с осмотром окрестностей того стоила. У эльфов просто глаза разбегались. Даже Гусинка – разумеется, только теперь, когда они из нее выбрались! – представлялась им чарующе забавной, а уж о прочих красотах и говорить нечего. Притом же дорога привела бы эльфов к воротам прямоком, лишив удовольствия проехаться вдоль Мельничной стены – мельничной и вправду, а не только по названию. Вознесенные над гребнем стены, в воздухе превесело крутились лопасти ветряков. Сами мельницы, по всей очевидности, были встроены прямо в стену со внутренней ее стороны. Ниест, Аркье и Лэккеан так и разулыбались – да Эннеари отчего-то и сам с трудом удерживал непрошенную улыбку, словно это не

ветряк крутится там, наверху, а сам он летит на качелях навстречу тугим объятиям ветра, задыхаясь и хохоча... нет, что ни говори, а вовремя заблудиться ненадолго – самая нужная штука на свете!

Он так засмотрелся на ветряки, что ворота явились в стене прямо перед ним почти внезапно.

– Приехали! – звонким полушепотом выдохнул Лэккеан.

– Ну, еще не совсем, – поправил его Лоайре, заворожено разглядывая ворота.

И действительно, на них стоило посмотреть. Стройная стрельчатая арка ворот была на диво соразмерна – глаз не оторвать от этих ласкающих взгляд очертаний, да и только. А уж множественное, во всю глубину стены обрамление арочного проема! Лоайре – в горячке восторга, очевидно – взволнованно обозвал это обрамление архивольтами, но Эннеари ради такой красоты простил ему дурацкое словечко. Пресловутые архивольты были выложены светлой бронзой, и стрельчатые эти обрамления выступали друг над другом все ближе и ближе, отчего казалось, что ворота открываются не в город, а прямо в солнце... да еще и не одни они, эти ворота, их много – целых восемь ворот, вставленных друг в друга... и как знать, в которые из них ты войдешь, миновав стрельчатую арку? В которые ворота – и... в который Найлисс?

Вот ведь ерунда лезет в голову! Хотя... ерунда или нет, а Эннеари на всякий случай сосчитал все до единого архивольты, а потом крепко зажмурился на мгновение, когда Черный Ветер переступил копытами, а затем уверенно направился прямо в ворота.

– И у кого мы теперь дорогу спрашивать будем? – пробормотал Лэккеан, озираясь по сторонам.

– Вот уж в городе провожатого найти несложно, – с уверенностью посулил Арьен. – Дворец королевский в Найлиссе наверняка один. Кого ни спроси...

– Эй! – крикнула сзади Наэле. – Поймайте кто-нибудь Лоайре, а то его все время вправо сносит!

По правую руку простиралось величественное нагромождение галерей крытого Зернового рынка. Хорошо еще, что давешняя девица из Гусинки предупредила проезжих эльфов – иначе они, того и гляди, так бы и сунулись в неведомое столпотворение... и не сказано, что сумели бы выбраться из этого города в городе иначе, как к вечеру!

– Много ты понимаешь в зодчестве... – обмирающим голосом отозвался Лоайре.

Нет, но кого бы и в самом деле спросить, как проехать ко дворцу?

– Лучник! Эй, лучник!

Эннеари никогда прежде в Найлиссе не бывал и знать здесь никого не знает – да и мало ли лучников на свете? Не на нем ведь одним клином свет сошелся. Но говор – говор был не здешний, не найлиссский. С таким чуть заметным придыханием перед гласными говорят только в Луговине.

За минувший год Эннеари побывал в Луговине не единожды. Конечно, он всякий раз давал изрядный круг, чтобы миновать те места, где год назад буянили его околдованные сородичи во главе с магом-вывертнем – вот уж куда эльфу лишний раз соваться не след. Но всю остальную Луговину он обошел из конца в конец. И чем чаще он там бывал, тем сильнее ощущал, как она ему полюбилась. Странная она, эта Луговина. Человеку со стороны, а тем более не человеку, понять ее трудно. Однако Эннеари не только понял Луговину, но и прижился там – дело совершенно неслыханное. Эльфийский принц всегда был у тамошних жителей желанным гостем. Кто их знает, отчего он пришелся им по сердцу. Да и чем они сами понравились заезжему эльфу, осталось тайной для всех его соплеменников. Сам-то Эннеари отлично знал, чем. Как ни странно, местные жители, невзирая на свой более чем изрядный рост, до невозможности напоминали ему гномов. Такие же дельные и деловитые без излишней суетливости в обычные дни – и такие же простодушно раскованные и шумливые в праздник. Прижимистые в обыденной жизни и расфранченные в пух и прах в дни праздничные, расчетливые и в то

же время щедрые непоказной щедростью, невероятные трудяги, умеющие отдыхать, как никто другой, тщеславные до смешного и невероятно деликатные в одно и то же время... все, все в них напоминало гномов. Даже некоторое занудство сродни гномьему и нежелание болтать по пустякам. Гномов Эннеари всегда любил и уважал, и ему не составило труда полюбить уроженцев Луговины. Ничего удивительного – скорей уж было бы удивительно, сложись иначе. Эннеари нравилось в этих людях буквально все до малейшей мелочи – и их повседневные плетеные туфли на веревочной подошве, лишь осенью сменявшиеся кожаной обувкой, и обычаем привешивать ленгру пасущимся лошадям, и даже их неизменный овсяный суп. По поводу пристрастия Эннеари к этому хлебову Лэккеан однажды позволил себе высказаться. С его точки зрения, эльф, поедающий овсяный суп – это нечто запредельное. Арьен в ответ вышутил его тогда немилосердно. Лэккеан не сказал ничего, но Аркье поведал потом под большим секретом, что Лэккеан наутро позавтракал как раз овсяным супом – полкотелка выхлебал без малого – а потом весь день ходил задумчивый-задумчивый. Это Эннеари очень даже понимал. Полкотелка овсяного супа, шутка ли сказать... от такого кто хочешь призадумается.

Эннеари любил Луговину и ее жителей – и, заслышав знакомое придыхание, обернулся без раздумий, словно бы кроме него, и окликать больше некого.

– Надо же, где встретились – в Найлиссе! Не узнаешь, лучник?

Как же, попробуй тут не узнать! Эту лысую, как колено, голову и захочешь, так не забудешь. А если учесть, при каких жутких обстоятельствах Арьену впервые повстречался обладатель этой во всех отношениях почтенной лысины... да помирать станешь, и то вспомнится! Навсегда в память врезано, на всю жизнь. Мельник это. Мельник из Луговины. Тот самый, у которого Лерметт кобылку серую сторговал, Мышку. Арьен еще тогда в ней сомневался – и зря. Очень славенькая Мышка оказалась. Не солгал хозяин, вручая четвероное сокровище покупателям. Лошадку звали Мышкой... а вот как звали хозяина? Лерметт бы наверняка не затруднился припомнить... так то Лерметт! У него не память, а скала гранитная. Ни годы, ни непогоды ей не страшны. Он бы мигом вспомнил, как звать этого папашу... точно! Именно так его и звали. Папаша Госс. Какой был бы стыд, забудь Арьен его имя. Казалось бы, что тут такого? Небольшая невежливость, и только. Но Эннеари не мог себе позволить невежливости по отношению к этому человеку, ни большой, ни малой. Хотя бы имена тех, кто был у холма в тот страшный день – пусть даже названные мимоходом, впроброс – он помнить должен. Хотя бы этим он обязан людям, перед которыми без вины виноват.

И что бы ему догадаться, откуда родом уроженец Луговины, окликнувший его! Кто, ну кто же еще мог назвать Арьена лучником?

– Узнаю, – спокойно ответил Эннеари, хотя сердце и колотилось, как бешеное. – Папаша Госс – верно ведь?

– Верно, – с достоинством кивнул мельник. – А вот тебя как звали, я запомнил, ты уж прости.

Оттого, что мельник забыл его имя, Эннеари почему-то внезапно сделалось удивительно легко и весело. Он даже губу незаметно прикусил, чтобы не рассмеяться ненароком.

– Эннеари, – ответил он, стараясь, чтобы голос его звучал так же степенно и неторопливо, как у мельника, и это усилие развеселило его еще больше.

– Верно, – сам себе подтвердил обстоятельный мельник, утирая лысину большим платком, явно для этой цели предназначенным. – Так тебя и звали, лучник. Я и позабыл за давностью. Почитай, год миновал, как не виделись. Отчего не наезжал в наши края? Твоих сородичей у нас за этот год столько перебивало, что всех и не упомнишь, а тебя нет как нет. Или брезгуешь?

Вот когда Эннеари в полной мере понял прошлогодние метания Лерметта – а ведь тот был опытным послом... куда Арьену до него! Лерметт наверняка нашел бы, что ответить, а не сидел в седле, как чучело бессловесное, не в силах проронить хотя бы словечко. Так ведь

не любое словечко тут сгодится... где же оно, то самое, единственное? И чем только Эннеари думал, когда посольство затевал? Еще оно, по существу говоря, и начаться-то не успело – а ему уже до жути ясно, что никакой он не посол, и даже не похож нисколечко. Растерялся, как есть растерялся – а ведь ему всего-то и нужно, что ответ достойный найти. Сделать то, что обязан уметь всякий посол: правильно ответить. Так, чтобы не обидеть. И чтобы не выдать вот этой своей нелепой растерянности. И не выказать дикого ликования, охватившего его, когда он понял, что все, чем он мучился весь минувший год – призрак, тень, прах... что он прощен за то, в чем не был виноват. Ответить просто, дружелюбно и спокойно.

Арьену казалось, что он барахтается в тенетах своей растерянности несчетные века. И лишь когда мельник отнял платок от головы и принялся неторопливо и обстоятельно его складывать, Эннеари понял, что на самом деле промелькнуло всего несколько мгновений.

– Как можно? – улыбнулся Эннеари. – Разве бы я мог побрезговать селом, где мы обзавелись такой славной Мышкой?

Папаша Госс так и просиял ответной улыбкой... уф-ф – значит, слово найдено верное.

– Мышка, и верно, хороша была, – с бесхитростной гордостью заявил он. – Как она, кстати, поживает?

– Думаю, неплохо. – Теперь Эннеари улыбался уже без всякого принуждения, от души.

– Так она у приятеля твоего осталась? – сообразил папаша Госс.

Эннеари кивнул.

– Тогда и вправду неплохо, – умозаклучил мельник. – Приятель твой – парень надежный. Уж он-то за лошадкой присмотрит, как должно.

Эннеари снова кивнул, изо всех сил стараясь не кусать губы. И того уже довольно, что он это сделал минуту назад. Посол он или нет, в конце концов? Если всякий раз, когда нужно скрыть неуместный смешок или улыбку, он станет кусать губы, то еще его посольство завершиться не успеет, а губы он себе отъест напрочь – да к тому же, пожалуй, с языком впридачу. Нет уж, Арьен, хватит. Назвался послом – так и начинай привыкать.

– Очень даже надежный. – Мельник продолжал меж тем развивать полюбившуюся ему мысль. – Не какой-нибудь там свистоплюй. Как есть обстоятельный. И слову своему полный хозяин. Это я сразу приметил, уж будьте спокойны.

Эннеари мысленно благословил мимоходом все силы мироздания за то, что рядом с ним едет Лоайре, а не кто-то другой – скажем, Лэккеан. Тот бы нипочем не удержался. Но и Лоайре бок о бок с Арьеном давился смехом – незаметно для папаши Госса, но совершенно внятно для Эннеари.

– Вот он как посулил нам вспоможение королевское, – неторопливо излагал мельник, – я сразу понял, что так тому и быть – а кто другой бы и усомнился. А парень для нас и вправду расстарался. Вот не поверишь, лучник – неделя всего и прошла, как оно прибыло. И как он так быстро скрутился? Такой далеко пойдет, вот попомни мои слова.

Лоайре тихо пискнул – почти на грани слышимости. Эннеари держался невозмутимо, словно каменный, совершенно не представляя себе, хватит ли у него сил на эту невозмутимость еще хоть на полмгновения.

– Дельный парень, – удовлетворенно подытожил папаша Госс, – и умница притом. С таким дружить никому не зазорно. Ты с ним водись, лучник – уж кто-кто, а он тебя дурному не научит.

– Да я, собственно, к нему и еду, – сдавленно отозвался Эннеари.

– Проведать решил? – одобрил папаша Госс. – И то дело. Друзей забывать негоже. Проведай, а заодно и Найлиссом полюбуйся... в первый ведь раз сюда приехал?

– В первый, – ответил Эннеари гораздо более твердым голосом, чем ожидал от себя.

– Вот оно как... – Папаша Госс на мгновение призадумался. – Знаешь что, лучник – давай-ка я тебя провожу малость. Так оно вернее будет. Не то заблудишься ты в здешних улицах с непривычки за милую душу.

– А ты Найлисс так хорошо знаешь? – искренне удивился Арьен.

– Я-то? – гордо переспросил мельник. – Да я сюда, почитай, лет с десяти дважды в год наведываюсь. Цены здешние на зерно, на муку посмотреть... опять же сорта какие и в каком спросе. Да наших сюда много ездит. Мастерицы тоже почему зря наведываются – новые рисунки кружев посмотреть. Ну, мне таскаться бесперечь не с руки, но уж два-то раза в год – всенепременно. Так что мне ли Найлисс не знать! Всем городам город!

Похоже, Найлисс не зря прозывается «сухопутной жемчужиной», подумал донельзя заинтересованный Эннеари. Иначе отчего бы заезжий мельник, и тот гордился его красотой – да настолько, что готов отложить собственные дела и сопроводить новоприбывших эльфов по улицам столицы?

– Вы ведь и не знаете, как надо ехать дальше, – непререкаемым тоном заявил папаша Госс. – А уж если вы в город прибыли через Посольские Ворота...

Надо же, подумал Эннеари, все одно к одному. Даже и ворота называются достопамятным образом. Будто весь мир сговорился со мной, и ворота тоже участвуют в сговоре – а я сам и знать ничего не знаю. Посольские Ворота... может, это предвестие удачи?

– ... то и ехать вам надо через улицу Восьми Королей, и никак иначе. Она вас и к Рассветной Башне напрямик выведет – а кто если Рассветной Башни не видел, тот, почитай, в жизни и вовсе не видел ничего... да вам-то откуда знать! Вы ведь едва в город въехали. Кроме Зернового Рынка ничего и увидеть не успели.

– Ну, отчего же, – мечтательно протянул Лоайре. – Зерновой Рынок – это очень и очень даже... если знающим глазом посмотреть... да-а!

Эннеари так и обмер. Лоайре есть Лоайре – никогда не знаешь, чего от него ожидать. Хотя... если вдуматься, то от Лоайре, слегка (а может, и не слегка) помешанного на зодчестве во всех его проявлениях, как раз чего-то такого ожидать и следовало. И вообще, по здравом-то размышлении – ну чем Крытый Зерновой Рынок хуже овсяного супчика? Во все даже ничем.

Папаша Госс окинул Лоайре взглядом заинтересованным и уважительным. Вот чем Луговина и хороша, промелькнуло у Арьена в голове. Любой другой принялся бы вопить, что эльф, знающий толк в крытых рынках – это не иначе, как конец света. Эннеари и сам едва не поддался на миг этому заблуждению. А вот для уроженца Луговины подобные предрассудки ровным счетом ничего не значат. Разбирается – и хорошо. Значит, умница. Значит, парень дельный и... как там в Луговине говорить любят?.. ах да, основательный. А если он при этом еще и эльф, так оно ведь никому не мешает. Эльфам ведь тоже никем не запрещено быть основательными. Эннеари мысленно хмыкнул. Основательный эльф, скажите на милость. Особенно к Лоайре эти слова отнести можно... чуден, однако, этот мир! Каких только дивных дел в нем не насмотришься.

А папаша Госс тем временем уже зашагал по направлению к широкой просторной улице – Восьми Королей, надо полагать – даже не дав себе труда подхватить поводья коня Эннеари или как-либо еще, словом или делом, вынудить кавалькаду эльфов следовать за ним. Похоже, он и не думал, что им может прийти в голову что-либо иное, кроме как направиться за ним вослед. Эннеари, забавляясь в душе, тронул поводья, но нужды в том не было, ибо Черный Ветер уже следовал за энергичным мельником. Не иначе, ему тоже хотелось въехать в Найлисс по улице Восьми Королей.

А улица эта, нельзя же не сказать, название свое оправдывала полностью. Если бы нелегкая и впрямь занесла в Найлисс аж восемь королей одновременно и притом с подобающей их положению свитой, никому бы не пришлось потесниться. Просторная улица... по такой при малейшем признаке военной угрозы конная сотня к городской стене враз домчится. А вот вра-

жеские конники, наоборот, на ней застрянут – по любой из боковых и примыкающих улиц выметнуться врагу наперерез проще простого. Хоть и широкая она, эта улица Восьми Королей, а ясно, что прокладывали ее во времена немирья. Вон как все с толком проделано!

Впрочем, ни о чем таком Эннеари сейчас не думал и вовсе. Да он бы и не сумел. С той минуты, как улица Восьми Королей открылась его взору, он и вообще не мог думать – и даже подумать о том, что можно думать, тоже.

Найлисс не только назывался, но и был истинной жемчужиной суши. Ни Лерметт, ни папаша Госс не преувеличивали нисколько – скорей уж недоговаривали. Эннеари и представить себе не мог, что город, рукотворное создание, может быть прекрасен, как лес... как рассвет... нет, как лунная ночь, сияющая росой... нет, все-таки как рассвет... или... нет, как он сам – как Найлисс! Эта красота хватала за сердце, словно крик о помощи, и радовала, словно долгожданное признание в любви. Она обрушилась на Эннеари, подобно водопаду, и он уже не мог различить в ее слиянности никаких отдельных деталей – как невозможно разобрать водопад на отдельные капли и сдернуть с него завесу радужного дыма. Нет, немного погодя Арьен, пожалуй, и сумел бы избрать взглядом из этой согласованной гармонии отдельные красоты... даже почти наверняка сумел – когда бы не Лоайре.

– С ума свернуть можно! – ошеломленно стонал Лоайре. – Я никогда... нет, ну кто бы мог подумать, что простой эркер может придать дому такую стройность! А эти горизонтальные перетяжки – Арьен, ты только посмотри! И вон тот балкончик... это ведь уму непостижимо, верно? Нет, ты гляди, гляди – чтобы арки могли иметь такую форму...

– Лоайре! – проникновенно молвил Эннеари. – Если ты и дальше будешь бормотать про пилястры, колонны, контрфорсы, эркеры или, упаси тебя Свет и Тьма, крестовые своды, я тебя удавлю. Вот этими руками.

– Нет, а почему... – завел было Лоайре и даже надул губы сковородником, собираясь обидеться, но не успел. – А это еще что такое? – удивленно перебил он сам себя.

Там, куда указывала взметнувшаяся рука Лоайре, на стене в маленькой нише, обведенной очень простой и необыкновенно изящной каменной рамкой, висело и вправду нечто очень странное – словно бы кто-то приколотил к стенке книгу за заднюю обложку.

– Объявления это, – пояснил, обернувшись к эльфам, папаша Госс. – Так здесь принято. Удобная придумка. Которого человека оно не касается, тот мимо пройдет, а которому нужно, тот листок оторвет и с собой возьмет.

– Даже и не взду... – возмущенно начал Арьен и, не договорив, махнул рукой: Лоайре, не слезая с седла, дотянулся и сорвал один из листков. Сзади кто-то фыркнул – не иначе, Лэккеан – а кто-то из девушек совершенно отчетливо хихикнул.

– Вот это да! – восторженно выдохнул Лоайре.

– Ну и что там такое? – сухо поинтересовался Эннеари, все еще недовольный его выходкой. Ну прямо как маленький, честное слово! Всюду свои руки любопытные тянет. Никакого удержу на него нет.

– А ты послушай, что тут написано. – заявил Лоайре. – «Арамейльский университет объявляет набор студентов на отделения общей и специальной медицины, правоведения и древней истории. Приезжим людям и эльфам предоставляется общежитие».

– Ну и что? – пожал плечами Арьен. – У нас в Долине, что ни год, такие объявления бывают. Нет, ну вот зачем ты его сорвал, если оно тебе совершенно не нужно?

– Это еще почему? – запротестовал Лоайре. – Может, я как раз в Арамейль поехать собирался?

– Никуда ты не собирался, – безмятежно возразил Эннеари.

– Это еще почему? – наседал Лоайре.

– Потому что зодчих в этом году не набирают, – отрезал Эннеари.

Следовавшие сразу за ними обоими Аркье, Лэккеан и Ниест оглушительно расхохотались. Вот и затевай с такими посольство!

– Послушай, – отсмеявшись, поинтересовался Аркье, – я вот сколько эти объявления у нас еще читал, все никак уразуметь не мог – почему общежитие только для людей и эльфов? Разве гномы из других мест не могут учиться в Арамейле? Так почему же приедем гномам такая немилость?

– Потому что приезжих гномов не бывает, – пояснил Лоайре – все еще слегка уязвленный недавней подначкой, но донельзя довольный тем, что может проявить свои познания.

– Да? – заинтересовался Аркье. – А кто у них тогда бывает?

– Родственники, – изрек Лоайре с таким видом, словно бы это и впрямь все объясняло. Аркье, невзирая на свою пресловутую воспитанность, все же слегка вытаращил глаза.

– Ну, как бы тебе сказать... – пустился в объяснения Лоайре. – Вот если ты, к примеру, гном...

Судя по выражению лица Аркье, представить себя гномом ему было очень и очень затруднительно.

– И приехал ты... ну, хотя бы в тот же Арамейль. Быть такого не может, чтобы там не оказалось так уж и совсем никого из твоего клана.

Что да, то да, подумал Эннеари. Это родством гномы считаются кланами – а живут, где придется. Даже в самом малом поселении на полторы сотни душ бесприменно найдется хоть кто-нибудь из твоего же клана. Чтобы гном среди гномов да родню не сыскал – не бывает такого.

– А если ты того же клана гном, значит, родственник, – заключил Лоайре. – Разве можно допустить, чтобы родственник вдруг в общежитие подался, как неродной? Ну, если у тебя там особо близкие друзья из людей или эльфов – тогда конечно... хотя тут уж скорее родня, чем тебя в общежитие отпускать, этих твоих друзей к себе перетащит. Друзья родственника тоже ведь не чужие, верно?

Лицо его приняло умиротворенное, мечтательное выражение – как и всякий раз, когда Лоайре принимался говорить об Арамейле. Скорее бы уж университет о наборе зодчих объявил, что ли, подумал с мысленным вздохом Эннеари. Конечно, двадцать лет ожидания – не срок... но если Лоайре придется ждать еще столько же, он и вовсе истоскуется.

Быть может, намечтавшись вдоволь, Лоайре продолжил бы свой рассказ о нравах гномов вообще и университетских гномов в особенности, однако на сей раз эти, вне всякого сомнения, увлекательные сведения так и остались невысказанными. Лоайре не то, что о гномах поведать – даже и помечтать толком не успел: папаша Госс приглашающе махнул рукой – дескать, нам сюда – и свернул в одну из боковых улиц.

– А зачем нам сворачивать? – поинтересовался Эннеари, поравнявшись со своим добровольным сопровождаемым. – Улица Восьми Королей идет прямо к дворцу – или я что-то путаю?

– Не путаешь, – с обычной своей спокойной обстоятельностью пустился в объяснения мельник. – А только на дворец вы еще наглядеться успеете. Дворец Найлиссский, конечно, тоже чудо из чудес, никто не спорит, и не полюбоваться им вовсе даже негоже. Но сейчас мы не к дворцу направляемся...

... Ну, кто не ко дворцу, подумал Эннеари, а кому как раз именно туда и путь лежит...

– ... а едем мы к Рассветной Башне. Если к ней потом со стороны дворца выезжать, она тоже смотрится хоть куда – а все-таки не так. Лучше всего выехать на площадь здесь, по Малой Ратушной улице. Тут тебе и красота, если кто понимает. Ты меня слушай, лучник, я тебе плохо не посоветую.

– И то, – согласился Эннеари, невольно перенимая выговор собеседника, вплоть до придыхания перед гласными. – Если мой... э-ээ... приятель не прилгнул, на Рассветную Башню и впрямь стоит поглядеть.

– Еще как стоит! – убежденно заверил его папаша Госс. – Ты... ты такого никогда в жизни не видывал. Даже у вас такого нет. Вот погоди, сейчас поворот будет, а сразу за поворотом Башня и откроется.

Он еще и договорить не успел, когда улица резко повернула, и взорам потрясенных путников открылась Рассветная Башня. Из уст эльфов единодушно исторгся слитный стон восторга, искренний и мучительный, словно первая любовь – папаша Госс аж крикнул от удовольствия при виде их ошеломления.

– Тот, кто это сделал – сумасшедший, – благоговейно изрек хриплым от восхищения голосом Лоайре. – Честное слово.

Он прав, промелькнуло в голове у Эннеари. Это безумие – чистейшее, благороднейшее безумие в самом высоком смысле этого прекрасного слова. Мрамор и гранит, яркие, как цветы, изразцы и умелая роспись – этих изысков Арьен за минувший год навидался, поездив по людским городам. Но Малая Ратуша, но Рассветная Башня Найлисса... покойный отец Лерметта, король Риенн, догадался облицевать ее золотисто-рыжим авантюрином. Солнечные лучи высекали облака сверкающих искр, дробились и рассыпались невесомым золотом, полыхали и таяли на поверхности камня. Башня стройно высилась, окруженная золотым мерцающим ореолом. Понятно, почему ее называли Рассветной. Какое, должно быть, наслаждение – ждать рассвета, не сводя глаз с рыжих стен, ждать, когда же, наконец, первые рассветные лучи изольются на Башню, и она мало-помалу замерцает, заискрится на солнце, сначала приглушенно, а потом в полную силу, пока не вспыхнет ежедневным волшебством! И ничего лишнего, никаких украшательств и завитушек – сама стройность, впечатленная на клубящемся золоте, четкий силуэт посреди парящего облака.

– Свет и Тьма... – прошептал непослушными губами Эннеари.

Я никогда этого не забуду, подумал он – не словами, а чем-то другим, чему не мог бы подобрать названия. Никогда. Этого нельзя, невозможно забыть. Я буду видеть это во сне – золотое облако, несущее искристый камень.

Неизвестно, сколько времени эльфы простояли, словно замороженные, пока восторженную тишину площади, которую звук шагов нечастых в это время суток прохожих не нарушал, а только подчеркивал, не разорвал стук копыт – да и то Эннеари не враз удалось стряхнуть очарование и оторвать взгляд от Рассветной Башни. А когда удалось, он снова обомлел – до того подобало Малой Ратуше новое видение.

По прямой, как копьё, улице, наискосок выходящей на площадь, летел всадник в золотистых одеждах – словно лепесток светлого пламени, оседлавший пламя рыжее. Эннеари затаил дыхание. Белогривый за минувший год нимало не растерял ни красоты, ни резвости. Он несся немислимим для обычной лошади аллюром, вытянувшись в струну и едва касаясь копытами мостовой, словно спеша слиться с мерцающим ореолом Рассветной башни.

Лерметт осадил коня в самой гуще золотого облака. Все-таки для человека он был необыкновенно быстрым – Эннеари едва только успел соскочить наземь, а Лерметт уже шел ему навстречу своей обычной стремительной походкой.

– Арьен! – выдохнул Лерметт. Глаза его сияли радостью почти нестерпимой. Как же хорошо, что мы послушались мельника и свернули на Ратушную площадь, ошарашенно подумал Эннеари: где-нибудь во дворце такая радость вызвала бы смущение своей неуместно обнаженной откровенностью – но здесь, окутанная клубящимся сверканием, она могла быть только такой.

А больше ничего он подумать не успел, бросившись в крепкие объятия друга, с которым был разлучен целый год. Надо же, когда-то он, как и все эльфы, думал, что год – это очень короткий срок... враки, иной год подлиннее вечности будет!

– Арьен! – улыбаясь, повторил Лерметт. – Как же ты вовремя!

– Ты не меняешься, – со счастливой ухмылкой сообщил Эннеари – вроде бы и невпопад, а на самом деле так очень даже впопад. Как же ему была знакома эта манера! В этом весь Лерметт: глаза так и кричат, как он стосковался по друзьям за этот год – но вслух о своих чувствах ни полсловечка, сразу о деле. Он и в бытность свою принцем этой привычке не изменял, а уж заделавшись королем, и подавно. В свое время Арьен страшно обманулся, приняв его сдержанность за надменную холодность, но уж теперь-то он знает Лерметта, как облупленного... странно даже, что год разлуки ничего не отнял от его знания – скорей даже прибавил. Иные вещи доступны пониманию как раз издалека. И понимание это подсказывало Арьену, что Лерметт, несмотря на прежние ухватки, на самом-то деле изменился, и сильно – вот только Арьен, ошеломленный новой, неведомой ему прежде красотой Найлисса, оглушенный радостью встречи, был покуда не в силах ухватить суть этих изменений.

– Если бы ты ко мне не собрался, я бы сам к тебе поехал, – продолжал меж тем Лерметт. – Но как ты узнал?

– О чем? – мигом встрял неугомонный Лэккеан.

– О том, что я затеваю, – уклончиво ответил король.

– Да не знал я ничего, – признался Арьен.

Откуда мне было знать о твоей затее, когда я только о своей и думал! Хотелось бы еще выяснить, как твоя затея будет сочетаться с моей. Остается надеяться, что одно другому не помеха – потому что я от своего замысла не отступлюсь, учти. Да и ты от своего не отступишься. Легче голыми руками гору срыть, чем заставить тебя отступить. Я таких упрямецев, как ты, отродясь не видывал... разве что в зеркале.

– Тогда я после расскажу, – пообещал Лерметт. – Когда обустроитесь. Ведь не посреди же площади о делах болтать. Вот доедем до дворца...

– Что ж ты нас тогда во дворце не ждал? – осведомился Эннеари, потихоньку приходя в себя.

– Да я как узнал, что вы приехали, так и сорвался навстречу, – смущенно усмехнулся Лерметт.

Папаша Госс, озиравший все перипетии встречи, окончательно смекнул, что к чему, да так и застыл, потрясенный. Выражение его лица было неопишимо. Оно представляло собой весьма достойное зрелище – пожалуй, не менее достойное, чем Рассветная Башня, хотя и совершенно в другом роде. Эннеари готов был поклясться, что не только Малая ратуша будет посещать отныне его сны. Ошарашенная физиономия мельника из Луговины, а наипаче его лысина, величественно отливающая отраженным золотом Рассветной Башни... да, не всякий эльф сможет похвалиться подобными снами!

– Папаша Госс! – король обратил улыбающееся лицо к несчастному мельнику. И снова Эннеари с уважением подумал о жителях Луговины и их похвальных свойствах души. Другой бы на месте папаши Госса обезьязычел окончательно, а то и грохнулся без чувств от оказанного ему королем благоволения. Мельник же, напротив, подобрался, приосанился, расправил плечи; растерянный его взгляд сразу же осмыслился, заблестел умом и – кто бы мог поверить! – несомненным юмором.

– Вот видишь, – почти тожественно заявил он – но не королю, а слегка ошалевшему от подобного эквивока Арьену, – моя правда выходит! Говорил я тебе, что спутник твой прошлогодний никакой не свистоплюй, а как есть обстоятельный и надежный?

При слове «свистоплюй» брови Лерметта поднялись не домиком даже, а прямо-таки целым дворцом, но держался он как нельзя более мужественно.

– И слову своему полный хозяин, – напомнил Эннеари в тон.

– Вот-вот, – со степенной важностью кивнул мельник. – Ты его держись, он тебя плохому не научит. Ты ведь молодой еще, сам не догадаешься – так и слушай старших, дурного не присоветуют.

Если учесть, что Эннеари на самом-то деле был старше папаши Госса вдвое с лихвой, немудрено, что на сей раз хохота сдержать не удалось никому. Папаша Госс потупился с должной скромностью – как и всякий мастер, когда ему удается поразить народ делом рук своих.

– Вот это, я понимаю, совет, – с трудом вымолвил Лэккеан. – Вроде овсяной похлебки – без чаши вина внутри и не утвердится.

Ах ты, нахал! И ведь поздно уже тебя одергивать... поздно – да и не нужно.

В глазах Лерметта так и заплясали развеселые чертенята.

– Это верно, – произнес он как нельзя более серьезным тоном. – Я полагаю, если один король, один мельник и целая компания эльфов зайдет в трактир пропустить по чаше вина, это будет как нельзя более правильно.

Это и впрямь оказалось правильным и уместным. Конечно, трактирщик при виде короля в церемониальном наряде, да вдобавок в сопровождении столь странной компании, глаза выпучил – однако в обморок падать или судорожно заикаться все-таки не стал. Очевидно, визит короля к одному из своих подданных этим самым подданным был не в диковинку. Наверяд ли его величество во время таких визитов облачался с подобной пышностью, однако судя по тому, как легко оправился от первого замешательства трактирщик, Лерметту случалось захаживать не только во дворец. А что до королевского платья... будет чем похвалиться тощему трактирщику: мол, ко мне король не просто так зашел, а в лучшем своем наряде – то-то пересудов пойдет по поводу столь неслыханного благоволения! Эннеари не сомневался, что в ближайшие дни трактир сменит вывеску – и прозываться отныне будет «Королевская мантия» либо «Наряд Его Величества». Чтоб все знали, ценили по достоинству и заходили в то наипримечательнейшее заведение, для посещения которого король так расфрантился. Пусть заходят – сперва поглазеть, потом обсудить подробности королевского визита с трактирщиком, словно бы прибавившим в росте от нестерпимой гордости, а заодно и винца тяпнуть... а потом спросить закуски, потом еще вина, потом... в общем, и без лишних слов ясно, что будет потом. Стоит только глянуть, с какой быстротой мелькают руки трактирщика, как непринужденно летают над чашами бутылки, словно странные птицы из белой, зеленой и рыжей глины, сверкая глянцевыми боками... да, потом будет то самое, о чем подумал, веселясь в душе, Эннеари.

Потягивая легкое вино, Арьен украдкой рассматривал короля. Всего-то год миновал, а Лерметт переменялся разительно. Вот уж сейчас его никто не перепутал бы с эльфом даже и издали. Как ни странно, Лерметт пальца на три прибавил в росте, изрядно раздался в плечах и приметно осунулся. Он перебрасывался шутками с папашей Госсом, смеялся и дурачился, как встарь – может, даже и больше прежнего – но предаваться веселью с прежней безоглядностью у него уже не получалось. Былая легкость исчезла бесследно, сменившись зрелой мощью. Принц стал королем – и не только по платью.

Да и платье королевское пристало ему, как мало кому другому. Эннеари не без любопытства разглядывал непривычный наряд друга. Длинный походный нарретталь – по летнему времени легкий, шелковый; узкие рукава майлета... все в золотистых тонах, династических. Нагрудное украшение в тех же тонах – тигровый глаз, янтарь... надо будет непременно спросить у Лерметта, что это за штука и зачем она нужна – ведь наверняка она не просто так привезена, а что-то означает. И, конечно же, корона... более необычной короны Эннеари не видел сроду. Обруч ее был не округлым, а каплевидным, и острая оконечность капли нисходила почти до середины лба. Шапочки-бриолеты, общепринятые в Найлиссе, Эннеари и прежде попадались на глаза, но чтобы корона... или это как раз шапочки повторяют ее форму? Эннеари усмехнулся, сообразив что вновь принялся за старую игру в угадку: смотрит во все глаза на непонятное ему одеяние и гадает – что бы все это могло значить?

– Я прямо с дороги, – пояснил Лерметт, перехватив его взгляд. – Даже и переодеться не успел. Мне еще в городских воротах доложили, что посольство прибыло – так я свиту отправил во дворец, а сам навстречу и бросился.

С дороги?! Эннеари едва удержался от изумленного вопроса: что же это за дорога такая, куда ездят при всех регалиях? Какой-то год тому назад, в бытность свою всего-навсего принцем, Лерметт в дорогу собирался совсем иначе. Простая рубашка небеленого полотна, охотничьи штаны из тонкой замши, запасной майлет... а вот теперь король Лерметт куда-то ездил, разряженный словно для дворцового приема. Чудные, однако, дела творятся. Притом же навряд ли у него настолько переменялись вкусы и привычки. Конечно, люди меняются быстро – с точки зрения эльфов, порой до неприличия быстро – но ведь не настолько же! Так что едва ли Лерметту разезды в подобном виде нравятся – самое большее, забавляют. А и тяжелое же это дело – быть королем! Хочешь, не хочешь, а изволь соблюдать приличия. Не распахнутая на груди рубашка, а длинный нарреталь, и чтобы непременно шелковый, и чтобы все висюлины на своем месте – и янтарь на месте, и тигровый глаз, и вот эти золотистые топазы и желтые сапфиры, и вот эта узкая золотая цепь из резных звеньев... цепь? Из резных звеньев?!

Эннеари судорожно сглотнул. И как только он мог сразу не заметить? Побрякушки всякие вон сразу разглядел, а это... это... да когда Лерметт успел?!

– Лериме, – враз севшим голосом осведомился Эннеари, – когда ты успел получить цепь доктора наук Арамейльского университета?

– Почетного доктора, – поправил его Лерметт. – Этой зимой.

Лоайре, до того негромко беседовавший с Лэккеаном, развернулся к королю всем телом, да так и замер, уставясь на резную цепь. Эннеари ухмыльнулся. Все, пропал Лерметт, со всеми потрохами пропал. Теперь уж Лоайре от него нипочем не отцепится. На королевский сан Веселому Отшельнику было, в общем-то, наплевать: подумаешь, цаца какая – король! Да мы на своем эльфийском веку этих королей видели, что яблок на ветке – и еще увидим. А вот почетный доктор, да не какого-нибудь университета, а Арамейльского... это – да! Такого человека надо уважать всемерно. Ради этого уважения можно ему и королевское его достоинство простить: он же не нарочно.

Лоайре был не одинок в своих чувствах. Папаша Госс тоже взирал на Лерметта с подобающим умилением. Подумать только – такой молоденький, а уже такой ученый! Нет, вот не будь Лерметт королем, да окажись у мельника хорошенькая дочка или внучка на выданье, Эннеари точно бы знал, о чем сейчас помышляет папаша Госс. А что тут такого? Мало ли оболтусов в зятя набиваются... а вот такой обстоятельный юноша – это же находка, если кто понимает. Слову своему полный хозяин, да вдобавок совсем даже не свистоплюй... правда, все-таки король – эка жалость! Но ничего, про запас остается основательный эльф – за него ежели с умом взяться, такой мельник со временем получится, что просто загляденье!

Выбеленный мукой Лоайре представился мысленному взору Арьена до того явственно, что впору глаза протереть. Нет, лучше Веселому Отшельнику в Луговину не ездить – вдруг у папаши Госса и впрямь незамужняя дочка имеется?

– ... когда от вас послание прибыло, я по степи носился, – повествовал между тем Лерметт. – Когда ко мне гонец заявился, я уж думал, не успею в Найлисс к вашему приезду. Арьен, ты даже представить себе не можешь, как же ты вовремя!

И тут в голове у Эннеари обрывочные фразы наконец-то соединились в некое единое целое. Ну конечно!

– Это связано с твоим почетным докторством? – спросил он напрямик.

Лерметт одарил его одобрительным взглядом.

– Верно соображаешь, – заметил он, отламывая кусок горячей, с пылу, с жару, лепешки и дуя себе на пальцы. – С тобой вместе за дело браться – сущее удовольствие. Ни объяснять по десять раз, ни убеждать не надо. Эх, вот бы мне и с остальными так повезло... да где там!

– С какими «остальными»? – осведомился Арьен, одним глотком приканчивая темное суланское вино, плескавшееся на доньшке его чаши.

– Увидишь еще, – коротко ответил Лерметт, делая страшные глаза: дескать, нашел, где и о чем спрашивать – а еще посол называется.

Эннеари послушно примолк и плеснул себе еще вина из приземистой обливной бутылки.

– Так насмотришься, что и видеть не захочется, – добавил Лерметт. – Моя бы воля... а только выхода у меня нет.

Почетное докторство, значит... и эльфы... и еще какие-то неизвестные, которых Лерметт, будь на то его воля... нет, Эннеари при всем желании не мог представить себе затею, в которой все вышеназванное сочеталось бы разом.

– А мне, пожалуй, что и пора, – объявил папаша Госс, нимало не захмелевший, даром что успел истребить на три чаши больше, чем даже Лэккеан. – Теперь тебя, лучник, и без меня есть кому сопроводить. На кого другого я бы полагаться не стал, а тут сам вижу, что в надежных руках тебя оставляю, верно?

Эннеари слегка прикусил губу.

– Верно, – со всей серьезностью отвечивал Лерметт. – Сопровожу наилучшим образом.

– Ну вот, – кивнул удовлетворенно мельник. – А я что говорил!

И правда, посиделки с королем – штука приятная, однако не за тем папаша Госс в Найлисс из Луговины тащился, чтобы по трактирам расслаживаться, пусть даже и в столь изысканном обществе. Дело – не жена паломника, дожидаться не станет. На прощание папаша Госс степенно раскланялся с королем, дружески хлопнул по спине основательного эльфа Лоайре, взял с Арьена обещание урвать хоть немного времени и навеститься в гости беспрерывно и получил поцелуй в щеку от Илери. Когда мельник в ответ расцеловал «эту славную девочку» в обе щеки, Эннеари мысленно поблагодарил сестру от всей души. Вслух он скажет ей спасибо позднее, хотя это и не обязательно: Илери его и так поймет. Они всегда понимали друг друга даже не с полуслова, а с полувзгляда.

– Право, жаль, что я никуда не ухожу, – расхохотался Лерметт, когда за мельником закрылась дверь трактира. – Глядишь, и мне бы перепало. Не каждый ведь день такой случай подворачивается. Я бы на месте папаши Госса тоже не растерялся.

– А ты и не теряйся, твое величество, – стрельнула глазами Илери. – Тут главное – начать уходить вовремя, а там уж тебе так перепадет, что и сам не заметишь, как останешься... разве что года через три, да и то едва ли.

Хорошо, что Арьен успел допить свое вино, иначе поперхнулся бы непременно. Ай да Илери! Такой прыти он от сестры не ожидал. Может, не так он хорошо ее и понимает, как ему казалось прежде?

А может, как раз именно так хорошо и даже лучше?

– К слову сказать, нам тоже пора, – объявил Лерметт, подбросив кверху золотой. Трактирщик объявился возле него мигом, словно из воздуха соткался: ну вот только что никого не было – ан вот он.

– Дела не ждут? – понимающе усмехнулся Эннеари.

– Знал бы ты, как ты прав, – вздохнул Лерметт. – Все мне казалось – вот только с этим управлюсь, тут мне и передышка обозначится... а потом еще вот с этим... и с тем тоже надо разобраться... а такое и вовсе без пригляду не оставишь. Но уж потом-то... а не получается у меня покуда никакого «потом».

Небрежным взмахом кисти король пресек попытки трактирщика отсчитать сдачу с золотого и встал.

То ли суланское вино оказалось коварнее, чем ожидал Эннеари, и ударило в голову, то ли все, увиденное за день, закружило ее окончательно, а только дорогу до королевского дворца он не запомнил и даже не разглядел толком. Недавние воспоминания и реальность сплелись между собой, и Арьен не мог бы с уверенностью сказать, что он и вправду видит воочию, а

что предстало перед его мысленным взором, вымелькнув из потайных карманов памяти. Тугие струны колонн замирали в ожидании напева, блестящие, словно ресницы, оконные решетки валились в распахнутый от изумления рассудок вместе с веселым узором наборной мостовой, золотые облака уносили ввысь стройную башню Малой Ратуши, четкие, будто нарисованные прямо на небесной синеве пером арки и легкие аркады летели где-то совсем уже в непонятной вышине, и в их проем дышала истомной жарой позднего лета белая дорога, расстилаясь искристой лентой, и по ней прямо в облака важно и неторопливо ехал, погруженный в свои раздумья, крестьянин верхом на бойком пузатом ослике цвета соли с перцем, высоченные травы Луговины щекотали конское брюхо, белые домики в придорожных городках застенчиво прятались за пышными шашами садов, лукаво вспыхивая навстречу Эннеари в рассветных лучах румянцем смущенным и радостным, и прохладные яблоки гнули тяжелые ветви прямо в придорожную траву, весело смеялось солнце на карнизах домов и выжидающе вздрагивали синие тени, растянувшись поперек улиц, диковинные, словно самая небывалая роспись по камню...

Он даже и не сразу заметил, что Лерметт направил коня куда-то в сторону от улицы Восьми Королей.

– На Дворцовую площадь в другой раз посмотрите, – объявил он, оборачиваясь к своим спутникам.

Эннеари ничего не имел против. В другой так в другой. Оно и к лучшему. Не сможет он сегодня ничего толком разглядеть – тем более Дворцовую площадь. Наверняка она всем прочим площадям красотой не уступит – недаром ведь Дворцовая... а у Арьена в голове так и громоздятся дома, налезая друг на друга, выпирая фасадами, карнизами, балконами, шпилями – еще одна площадь туда просто-напросто не поместится. Попробуй втиснуть ее туда – и весь остальной Найлисс с беззвучным грохотом обрушится на ни в чем не повинную площадь, погребая ее под собой. Нет уж, лучше и в самом деле в другой раз.

– С дороги меня у главного входа никто никогда не ждет, – пояснил между тем Лерметт. – Мы въедем через Яблонево ворота.

Эннеари даже и не спросил, что это за ворота такие, хотя название его очаровало.

– Думаю, вам понравится, – улыбнулся Лерметт.

Вот в этом Эннеари как раз очень и очень сомневался. Он не мог поверить, что сегодня ему сможет понравиться еще хоть что-нибудь: ему казалось, что за сегодняшний день ему уже понравилось все, что только возможно. Это какое же усилие надо сделать, чтобы самовластно оттеснить в сторону целый город и заслонить его собой!

Он ошибался – и понял это сразу же, как только Лерметт распахнул ворота в белокаменной стене. На какую-то долю мгновения Арьену показалось, что они проехали весь Найлисс насквозь и выбрались за черту города – хотя с какой бы это стати лес вдруг решил подступить прямо к городской стене? Да и не лес это вовсе. Не бывает в лесу столько тропинок, да и не так они расположены... и уж тем более лес не встречает путников двумя стройными рядами яблонь. Но во всем остальном... как же похоже! И как хорош собой этот лес-не-лес, как доверчиво тянутся золотые и румяные яблоки к его гостям, как гордо осеняют их вековые дубы своей тенью, словно удача невидимым плащом укрывает их от всех и всяческих невзгод! А липы в три обхвата толщиной Эннеари и вообще только в Долине и видел. Обычно эти мягкие деревья до столь почтенных лет просто не доживают.

– Ну как вам найлиссский дворцовый парк – нравится? – невинно осведомился Лерметт. Глаза его торжествующе смеялись.

Эннеари молча кивнул, не в силах произнести ни слова.

– Он такой огромный! – восхищенно выдохнул Лоайре.

– На самом деле нет, – улыбнулся Лерметт. – Он гораздо меньше, чем кажется. Просто дорожки так проложены, чтобы так выглядело. Вот если бы мы ехали не вдоль стены, а вдоль

решетки, ты бы сразу понял. Кстати, вдоль решетки к воротам было ближе... но мне очень хотелось вас немного удивить.

– И тебе это удалось, – ухмыльнулся Эннеари.

– А где дворец? – азартно блестя глазами в предвкушении, осведомился Аркье.

– Уже недалеко, – ответил Лерметт. – Просто его за деревьями не видно.

– Такой маленький! – огорчился Лэккеан, привставший было в седле и вытянувший шею, чтобы первым высмотреть над кронами деревьев дворцовые шпили и башенки.

– А у него не было надобности расти, – пояснил Лерметт. – Это Найлисс за минувшие шесть веков вырос – а население дворца никак уж не увеличилось.

Вырос? Разве дворец – это гриб? А город? Лоайре обратил на короля растерянный взгляд.

– Ну, ты же видел на стенах домов этакие... не знаю, как и назвать – вроде как перевязочки? – поинтересовался Лерметт.

Лоайре кивнул.

– Это следы прежних этажей, – улыбнулся Лерметт. – В самом начале Найлисс был хорошо если двухэтажным. Когда снимают крышу и надстраивают новый этаж, по стене проводят такую перевязку. Столица все-таки – за шесть веков народу приросло. Не стену же городскую всякий раз перетаскивать.

– Так ведь оно все, того и гляди, обвалится! – ужаснулся Лоайре.

– Ни за что, – успокоил его Лерметт. – Найлисс сразу строился на вырост. Ты просто невнимательно смотрел. У всех домов такой фундамент, что ого! И нижние этажи так сложены, что на них хоть башню крепостную надстраивай. Даже гномам, и тем пришлось помудрить изрядно. Сам подумай, какое искусство потребовалось, чтобы дома потом выглядели соразмерно при любой высоте, да вдобавок чтобы не только красиво, но и прочно было. На самом деле еще этажа два можно надвести спокойно.

– А потом? – не успокаивался Лоайре.

– Можно, – спокойно повторил Лерметт. – Но не нужно. Акведуки на такую прорву народу не потянут. Даже с колодцами и водосборниками.

– А зачем они вам? – Ниест, как всегда, задавал вопросы редко, зато по существу.

– На случай осады, – сообщил Лерметт. – Город, который зависит только от акведуков, можно оставить без воды в одночасье. С Найлиссом этого не случится. Воды хватит, и даже не в обрез. И не только воды, еды тоже. Глупо на одни лишь провиантские склады полагаться. Здешние сады и парки не только ради красоты заведены. И рыбные озерки в них – тоже. Сейчас в них малоимущим ловить позволяется, но случись война... одним словом, король Илент все заранее продумал и с гномами недаром советовался. Устроено на совесть, не сомневайся. Как бы город ни прирастал, а садов никакая застройка не коснется. Никогда.

– А дворцовый парк... – Лэккеан замялся. – Он что... тоже?

– Конечно, – подтвердил Лерметт. – Сам подумай, если все это под огороды вскопать, сколько человек эта красота прокормит.

– Но ты же сам говоришь, – не успокаивался Лоайре, – если город вырастет сильнее...

– Разве что самую малость, – покачал головой Лерметт. – Он уже и не растет почти. Еще немного, и в него не втиснуться будет, как взрослому в детский сапожок – а кому такая жизнь нужна? Для того, чтобы получать от Найлисса все прелести столичной жизни и отдавать ему свой труд, вовсе не обязательно в нем жить. И чтобы воспользоваться в случае беды защитой его стен – тоже. Сейчас прирастают маленькие городки вдоль Найлиссской дороги – того и гляди, сольются в эту единую ленту. Ну, и предместья, конечно.

– Такие, как Гусинка? – сообразил Лоайре.

– Ну, нет, – засмеялся Лерметт. – Только не такие, как Гусинка. Она едва ли не постарше Найлисса будет. Это случай особый. После как-нибудь расскажу.

– А почему после? – разочарованно спросил Лэккеан.

– Потому что мы уже почти приехали, – безмятежно отвечив Лерметт. – Сейчас вон по той тропинке свернем, и сразу будет дворец.

Если бы Эннеари в эту минуту спросили, каким ему виделся дворец, он ответил бы, не задумываясь, одним-единственным словом – соразмерным. Когда Эннеари спешил возле самого дворца, забросив поводья на луку седла, в голове у него шумело и сверкало – судя по ошалелым взглядам остальных эльфов, не у него одного. Он уже не мог толком понять, что именно создает подобное впечатление – собственная ли прелесть камня, резьба ли на нем, удивительно точно найденный ритм расположения стрельчатых окон, арок и прочих зодческих измышлений с неведомыми ему названиями, а то и вовсе четкие синие тени ветвей, прочертившие стены на свой, особый лад – но вот само это ощущение стройной соразмерности, неуловимое, как тающее облако, снизошло на него уверенно и спокойно. Оно пребывало во всем – даже в очертании дворцовых ступенек... ступенек, на которых уже поджидала вновь прибывших очень и очень Арьену знакомая фигура.

– Илмерран! – радостно ахнула где-то у него за спиной Илери.

– Мы вовремя? – весело осведомился Лерметт, спрыгивая с седла.

– Как нельзя более, – степенно кивнул гном. – Впрочем, я в тебе и не сомневался.

– А во мне? – нахально поинтересовался Арьен, соскакивая прямо на нижнюю ступеньку. Сердце его так и летело гному навстречу, руки так и тянулись схватить Илмеррана в охапку, поднять, закружить – как же он, оказывается, стосковался по этому неумолимому зануде! – а вот слов, должных слов почему-то не было... может, оттого, что в глубине души Арьен лишь несмело надеялся, но никак не ожидал, что Илмерран Лерметта окажется тем самым?

– Как сказать, – мудро уклонился от ответа гном, окидывая его испытующим взглядом с ног до головы. – А вырос-то как, вытянулся, – заключил Илмерран, неодобрительно задрав растопыренную бороду.

– Вот еще! – фыркнул Эннеари, пригибаясь и демонстративно подставляя шею. – Каким был, таким и остался.

Илмерран не смог сдержать ухмылки.

– Эдайг, – прогудел он, награждая Арьена символическим подзатыльником.

– Ну, нахалом я всегда был, – успокоенно заметил Эннеари, выпрямляясь. – Это не новость.

Конечно, Эннеари еще дома всем все объяснил: посол – это тот, кто в гостях у медведей тоже ест тухлятину, да еще и нахваливает. Одним словом, если что по нраву и не придется – не привередничать. Чтобы никакого нытья, капризов, язвительных замечаний и прочих попреков. А если совсем уж невтерпеж – все равно стерпеть, стиснуть зубы, навесить на лицо улыбку, а после Эннеари с глаза на глаз пожаловаться: он потихоньку все уладит. Ясно?

И все-таки, когда участники посольства под водительством русоволосого быстроглазого пажа один за другим входили в предназначенные для них покои, дыхание Арьена невольно участилось, а шаг, наоборот, замедлился: что, если вот сейчас, вот прямо сейчас высунется из дверей недовольная рожа и начнет честить гостеприимного хозяина – мол, то не этак и это не так?

Рожа из дверей высунулась. Такого восторга на лице молчуна Ниеста Эннеари еще не видывал.

– Вот это... вот это да! – ошалело сообщила рожа и скрылась.

Из комнаты Илери послышался совершенно девчоночий вскрик восхищения.

Арьена потихоньку начало разбирать любопытство: да что же за апартаменты приготовили во дворце, если и Ниест, и Илери – такие разные! – не могут сдержать восторга.

– А вот это твоя комната, – молвил Лерметт, открывая перед Арьеном дверь. – Входи же.

Арьен окинул комнату быстрым взглядом и едва не рассмеялся. Нет, ну что он себе напридумывал? Чтобы человек, пусть даже и такой, как Лерметт, сумел убрать комнату на эль-

фийский лад, руководствуясь одними лишь советами гнома, пусть даже и Илмеррана... нет, Лерметт и не пытался. Да и времени у него не было. Хотя он и начал готовить эти покои год назад в надежде залучить Арьена с друзьями в гости – все равно не было. Чтобы создать настоящее эльфийское убранство покоев, а не жалостное подобие, на которое и смотреть-то неловко, человеку полжизни потратить придется, да и то не сказано, что научиться. Так и стоит ли тратить время на такие глупости?

Правильно Лерметт сделал, что и не пробовал.

Очень человеческая комната. Более того – очень дворцовая: одни уже окна, к примеру, чего стоят! Какой нежный и веселый свет струится через цветные стекла витража – просто сердце тает. Вот только витражный переплет сделан не из свинца, как это обычно водится. Не в свинец забраны цветные стекла, а в несокрушимую темную бронзу, и не переплет это вовсе, а решетка оконная – поди, выломай, коли охота вспала! Через такую решетку никто снаружи не ворвется. А тут еще и скользящие ставни – не снаружи, изнутри! – способные в два счета превратить эти восхитительные покои в неприступную крепость.

Очень человеческая комната. Очень дворцовая. Невероятно красивая.

Ай да Лерметт!

– Нравится? – поинтересовался король, вручая Арьену ключ.

– Нравится-нравится, – рассеянно отозвался Эннеари, принимая ключ от комнаты. Неуловимо быстрым движением он оказался возле двери, запер ее на два оборота ключа и опустил его в свой привесной кошель.

– А теперь рассказывай, – потребовал Арьен, располагаясь в кресле.

Лерметт удивленно взметнул ресницы.

– Лериме, – с опасной задушевностью в голосе произнес Эннеари, – ты мне только голову не морочь. Дескать, устал с дороги, оттого и вид у тебя такой. Я, знаешь ли, и сам едва из седла. Вот только твоя дорога подлиннее моей будет. Этак в год длиной, не меньше.

Лерметт не то коротко рассмеялся, не то просто резко выдохнул, и провел рукой по лицу снизу вверх. Движение это было растерянным и вместе с тем усталым – настолько усталым, что Арьен лишь с превеликим трудом удержал вскипающий в нем гнев.

– Ты же сам сказал, – настаивал он, – что приехал я вовремя. Значит, я тебе нужен. Тебе нужна моя помощь, верно?

На сей раз Лерметт усмехнулся вполне явственно.

– Что ж, можно и так сказать, – кивнул он. – Почти. На самом деле это звучит несколько по-другому. «Помоги им, чтобы помочь мне, потому что иначе ты и сам себе помочь не сможешь». Вот так будет правильно.

– Рассказывай, – вновь потребовал Арьен, с наслаждением стягивая сапожки и забираясь в кресло с ногами. – Прямо сейчас. Чем раньше, тем лучше. Незачем откладывать на потом.

– Потом, – неожиданно ухмыльнулся Лерметт совершенно на прежний лад, – это такая странная штука, которой не бывает, если не позаботиться о ней сейчас. Собственно, для этого ты мне и нужен. И дорога эта не в год длиной, а куда как побольше. Хотя последний год, конечно, такой выдался... все словно с цепи сорвалось, да не поодиночке, а разом.

Он опустил в соседнее кресло, снял корону и неосознанным привычным жестом повесил ее на подлокотник. Лицо его вновь сделалось серьезным... Свет и Тьма – да что же такое он на себя взвалил? Сколько и вообще может взвалить на себя человек и не сломаться?

Это смотря какой человек.

– Я уж как твоего Белогривого гнал, – глухо молвил Лерметт, не подымая головы, – а отца едва в живых застал. Если это можно так назвать. Ему дня за два до того умереть полагалось. На одной только воле и дотянул. Меня дожидаться... и тогда только...

Арьен не посмел перевести дыхание. Комок воздуха застрял в груди. По крайней мере, проститься с отцом Лерметт успел. Теперь понятно, в кого он такой удался. Покойся с миром,

король Риенн – ты сумел заставить себя дождаться сына. И передать королевство в надежные руки ты тоже сумел. Что застал бы в Найлиссе Лерметт, умри ты за два дня до его возвращения – сумятицу? Заговор?

– Хорошо еще, что Селти действовал в одиночку, – добавил Лерметт. – Никаких сообщников по сговору, ничего. Иначе совсем бы скверно вышло.

Куда уж хуже – начинать новое царствование с расследования заговора... а значит, и с расправы над заговорщиками. Хотя бы от этого судьба Лерметта уберегла.

– Только-только похороны окончились – тут же из степи вести: умер великий аргин. Это...

– Я знаю, кто такой великий аргин, – нетерпеливо перебил Эннеари.

Теперь знаю. Я этот год тоже недаром потратил. Я теперь много чего знаю. И про великого аргина в том числе. Умер великий аргин, пора избирать нового... значит... значит – война?! Война со степью? Но Найлисс вовсе не выглядит, как страна, воевавшая меньше года назад. Даже если тяжкая туша войны не успела доползти до этих мест – все равно. И не в разрушениях и жертвах дело... не только в них. Даже на самые дальние от поля боя, самые мирные поселения война неумолимо накладывает свой отпечаток – иной раз почти неуловимый, но несомненный. А над Найлиссом ее длань не отяготела. Эннеари, как ни бейся, не в силах уловить ее недавнего дыхания.

Лицо Лерметта озарилось внезапной улыбкой – такой усталой, что она казалась беспомощной.

– Сам ведь знаешь, у них в степи традиция – каждый новый великий аргин должен Заречье воевать. Но тут мне повезло. Простую войну они не в свой черед затеяли. Великий аргин был еще жив. Сами они, получается, традицию нарушили... остается похоронить ее поглубже, чтоб не выползла. Я над этим с первого своего посольства работал, еще с четырнадцати лет... и все равно, если бы не Сейгден, не сказано, что сумел бы.

О Свет и Тьма – Лерметт, да от тебя с ума сойти впору! Похоронить многовековую традицию, обильно политую кровью, освященную десятками столетий... но как? Люди меняются быстро, а вот их традиции, напротив, держатся крепко. Чтобы схоронить одну традицию, нужно подыскать другую взамен. Чем, во имя всего мироздания, ты сумел ее заменить?

– Кто такой Сейгден? – машинально спросил пораженный Эннеари совсем не о том, о чем собирался.

– Король Сулана, – ответил Лерметт. – Очень дельный, знаешь ли. Такой... ну, да ты его вскорости сам увидишь, незачем и рассказывать. Главное, без него бы мне не вытянуть. Я – что, на троне без году неделя... а вот его слово для Восьми Королевств многое значит. Он меня крепко поддержал. Я по степи мотался, а он тем временем шестерых королей уговаривал.

Да. Человек, способный уговорить разом шестерых королей – это вам не кто-нибудь. На такого стоит поглядеть.

– Сам не знаю, как нам удалось. У меня к осени просто в голове темно было от усталости.

– Да что вам удалось? – не выдержал Эннеари.

Лерметт вновь улыбнулся все той же беззащитной улыбкой.

– Мне – уверить степь, что раз война была начата не в свой черед и проиграна, воля Богов от нее отнята, и теперь избрание нового великого аргина следует встречать не войной, а мирными ристаниями. Всеобщими. Что поражение в той войне было знамением, и война Богам теперь не угодна, что они и явили явственно... тьфу!

Так. Заменить войну массовым турниром... Лерметт, кто рехнулся – ты или вся вселенная?

– А Сейгдену – выжать согласие на эту авантюру из остальных шестерых королей. И еще неизвестно на самом деле, которому из нас труднее пришлось.

Воистину так. Ох, Лериме – ты все-таки не меняешься. Ну, что бы ты стал делать, не поддержи тебя властитель Сулана? Напополам бы разорвался – одна половинка по степи скачет, а другая по всем восьми королевствам с визитами разъезжает?

– Но турнир мы вместе с ним устраивали, – продолжал Лерметт. – Всех уговорить – это ведь еще полдела. Надо все так рассчитать, чтобы в конечном итоге никто верх не взял.

О да. Довольно степнякам проиграть – и кровь бросится им в голову: дескать, на позор нас позвали, для посмешки. Довольно выиграть – и они возомнят, что заречные жители слабаки. В обоих случаях... да. Лериме, я даже думать не хочу, каких трудов вам обоим стоило правильно подобрать бойцов, чтобы исход турнира был предрешен, да вдобавок ни одна из сторон ничего не заподозрила. Как вы только оба еще живы и притом в своем уме... впрочем, вот за это никто бы не поручился. Человек в своем уме после такого невыносимого напряжения год бы отдыхал, ничего не делая – а ты, судя по всему, даже и не присел. Это ведь не весь твой рассказ, а только вступление, так? Не сказка, а присказка. Немудрено, что у тебя глаза темным обвело и щеки запали – скорей уж странно, что у тебя еще остались хоть какие-то щеки.

– Ну, а когда турнир закончился, и никто ни на кого войной не двинулся... – Лерметт хрустнул пальцами. – Если бы война все-таки состоялась, я бы ничего не смог. А раз удалось покончить миром, можно и за дело приниматься.

Вот оно. Наконец-то.

Арьен весь обратился в слух.

– Если вдуматься, мне просто посчастливилось, – задумчиво, словно припоминая что-то, произнес Лерметт. – Я и вообще везучий.

Темные круги вокруг глаз. И сами глаза – усталые, почти без блеска. Нервное похрустывание пальцев – год назад его и в помине не было. Везучий. Нет, ну кто бы говорил!

– С нынешним великим аргином у нас еще в первый мой приезд отношения наладились на диво спокойные. Он и вообще спокойный такой человек... для степняка, конечно. То, что именно его избрали – верх удачи. Не знаю, что бы я стал делать, окажись на его месте кто другой.

Что ж, будем считать это удачей. Тебе виднее.

– Мне и с ним нелегко придется, – вздохнул Лерметт. – А ведь именно он, Аннехара, меня на мысль и натолкнул.

Он помолчал немного.

– Я тогда еще не до конца понял, что это значит. Уж не знаю, чем я Аннехаре по душе пришелся... сопляк сопляком, ничего особенного. Но как-то он сразу меня под свое стремя поставил – ну, так в степи говорят, если...

– Если кто-то считает своим долгом объяснить тебе, как устроено мироздание и зачем ты в нем, и объясняет до тех пор, пока ты облысеешь, как папаша Госс, – невинно вставил Арьен.

Лерметт расхохотался.

– Похоже, – признал он. – Аннехаре тогда лет сорок пять было. Почему он вдруг решил, что учить заречного щенка уму-разуму станет именно он, для меня загадка – ну, да меня ленивый разве учить не примется. Он мне тогда много всякого рассказывал – про жизнь в степи, про обычаи, про свою молодость. И среди прочего припомнил, как женился в первый раз. Наверное, потому, что он тогда хорошо если на год был меня старше. Всегда приятно сказать юнцу: «А вот мы в твои годы»... Так вот, он в мои годы собирал невесте цветы на свадебный пояс. Амару он собирал, понимаешь?

– Нет, – честно признался Эннеари.

– В дальней степи, – уточнил Лерметт.

– Все равно не понимаю.

– Верно, ты же там не был, – кивнул Лерметт. – Хотя все равно в голове не укладывается, чтобы эльф – и вдруг что-то про цветы и травы не знал. Аннехара, между прочим, тоже не

понял – а ведь он там всю жизнь прожил. Понимаешь, я ведь побывал в дальней степи – и в ней нет ни единого цветочка амары. И в срединной тоже. Вот возле реки, в ближней степи, амары этой полным-полно, вся земля в черно-желтую полоску, аж в глазах рябит. А в дальней – ну хоть бы один стебелек.

Эннеари напрягся. Теперь он понимал, куда клонит его друг. Если какая-то травка мирно росла себе из года в год на одном и том же месте и вдруг оттуда исчезла, это что-нибудь да значит. А если травка эта сохранилась только возле реки...

– Эта твоя амара, – спросил он голосом ломким и прозрачным, – ей очень вода нужна? Лерметт невесело усмехнулся.

– Из всех степных трав, сколько их есть на этом свете, амара – самая влаголюбивая, – подчеркнул произнес он.

– Давно она исчезла из дальней степи? – отрывисто спросил Эннеари.

– Точно не скажу, но за последние лет пятнадцать могу поручиться, – незамедлительно ответил Лерметт.

– Может, все-таки... – Эннеари призадумался.

– Я тоже надеялся, что «все-таки», – сухо фыркнул Лерметт. – А чтобы удостовериться, съездил к морю. Вот как только турнир окончился, сразу же и поехал.

– А море тут при чем? – удивился Эннеари.

– В рыболовных портах побывал, – продолжал Лерметт как ни в чем не бывало. – На улов посмотрел, с рыбаками поговорил, легенд наслушался, архивы поворошил. Кое-где в ратушах замечательно полные архивы попадаются. Ну, все и встало на свои места.

Он задумчиво тронул корону, и она закачалась на подлокотнике.

– Ты спрашивал, при чем здесь море? – вздохнул он. – Какое отношение имеет улов трески и тунца к степным цветочкам?

Нет, Эннеари уже не спрашивал – ибо начинал понимать. У него спина заолодела от ужаса.

– Меняются морские течения, – очень обыденно пояснил Лерметт. – Это бывает. Очень редко, правда, даже по вашим меркам редко, но все-таки бывает. Там, где раньше было течение, теперь ничего нет. А с течением меняется и ветер. Прежние ветры уже не приносят в степь достаточно воды, чтобы там цвела амара. Да и самих прежних ветров почитай, что уже нет.

– Засуха, – деревянными губами еле выговорил Эннеари.

Лерметт кивнул.

– И какая! Не на годы – на века. Я когда все воедино свел, мигом помчался в Арамейль. Так вот оно что!

– Понимаю, – тихо сказал Арьен. – Гномы в степи бывают страшно редко, да и кто бы им стал про цветочки рассказывать. Ничего бы они не заметили. Да и моря они не любят. Нас в степи и подавно с незапамятных времен не видывали. А сами степняки наверняка заметили – но вот понять, что на сей раз засуха пришла не просто надолго, а... словом, некому разобраться было. Понимаю. Такое наблюдение стоит цепи почетного доктора Арамейля.

– Такое наблюдение ничего не стоит, – свирепо отрезал Лерметт. – В Арамейле, знаешь ли, тоже не дураки сидят. Но там решили, что раз уж у нас еще есть в запасе около тридцати лет, я вполне могу успеть... если постараюсь, ясное дело. И если очень повезет.

– Успеть – что? – оторопел Эннеари.

– Остановить засуху, конечно, – прежним будничным тоном отозвался Лерметт. – Арьен, поверь, у нас нет другого выхода – просто нет. И у вас тоже. Затем я тебя и хотел позвать.

– Тогда объясни подробнее, – взмолился Эннеари. – Ты об этом не первый год размышляешь, но для меня-то все это внове. У степняков, и точно, нет выхода – но у вас-то почему его нет? И уж тем более у нас?

– Что правда, то правда, – язвительно откликнулся Лерметт. – Долины эльфов никакой суховей не коснется. О Пограничные Горы любой ветер разбивается. А ты головой подумай, Арьен! Шесть веков тому назад на государства Заречья степь погнала засуха – которая длилась, между прочим, всего четыре года. Годы, Арьен, а не века! Но ей этого хватило, чтобы изглодать степняков до костей. Черта с два лучник Илнет сумел бы закончить войну, не прекратись засуха. Победа там или не победа – степняки продолжала бы двигаться за реку. Пока не полегли бы все до единого – или пока от нас бы никого не осталось.

Он на мгновение примолк, переводя дыхание.

– А сейчас нашествие повторится – в таком жутком виде, что тогдашний завоеватель от ужаса вззоет в своей могиле. Все эти века степь воевала с нами почти понарошку, традиции ради. Через двадцать лет дело пойдет всерьез. Жизнь – это ведь очень даже всерьез, правда? Вся степь, вся до последнего человека, Арьен, до последнего младенца... и я даже думать не хочу, что останется от Восьми Королевств. В любом случае того, что останется, хватит ненадолго.

– Почему? – сдавленно спросил Эннеари.

– Да потому, что скотоводы не умеют пахать! Эта земля, если за ней не ухаживать, не даст ничего. Разве что Сулан с его лугами, да и то едва ли. Это ведь не дикие луга. Но даже если степняки вдруг научатся работать на земле... это всего лишь отсрочка. – Лицо Лерметта было исполнено мрачной решимости, словно он сам был степняком, которому предстояло разобраться в устройстве плуга. – Когда степь окончательно станет пустыней – по вашим понятиям, довольно скоро – река не удержит ее. Тем более с такими горе-земледельцами... никак не удержит.

– А-а! – выдохнул Эннеари.

– Начинаешь понимать? – горько усмехнулся Лерметт. – Уйти от пустыни не удалось, она настигает... а за горами такая благодатная земля, которой все нипочем. Совсем рядом, рукой подать – только перейти через перевал, и вот она! Эльфов там не так уж и много, да вдобавок они заелись, эти стервецы остроухие – а здесь детишки с голоду пухнут. Продолжать?

Эннеари стиснул зубы.

– Ни у кого нет выхода, – резко подытожил Лерметт. – Только у степи его нет почти сейчас, у нас – завтра, а у вас – послезавтра. Время, Арьен, время! Всего да ничего, считанные месяцы – если сейчас не начать, так и будет. А я не хочу видеть под конец жизни, как Найлисс заполыхает оттого, что тысячам тысяч людей нечего есть! И умирать, зная, что пепел Долины эльфов осыплется на мою могилу, тоже не желаю.

– Ты знаешь выход? – осведомился Эннеари.

– Да, – коротко ответил Лерметт.

Он снова до хруста заломил пальцы.

– Если очень повезет, можно успеть. Ты мне для этого и нужен. Без вашей помощи ничего не выйдет. Хорошо хоть, ты и сам все понимаешь – ни просить, ни молить не надо. А ведь мне еще такую уйму народу уламывать придется. Умолять их сделать то, что им самим нужно до зарезу – в голове не укладывается!

Лерметт обратился к Эннеари тихий серьезный взгляд.

– Знаешь, – молвил он, – ты мне очень нужен. Я никогда прежде смерти не боялся, не боюсь и сейчас. Но я боюсь умереть раньше, чем успею сделать все, что нужно. По крайности, ты присмотришь, если я...

– Сам присмотришь, – рявкнул Эннеари.

– Как получится, – возразил Лерметт. – Ну почему мы, люди, так мало живем? Мне сейчас и трех жизней недостаточно. Пять бы... тогда, может, и успел бы сделать все, как надо.

А вот затем я сюда и приехал, с веселой злостью подумал Эннеари. Но тебе я об этом не скажу. Пока не скажу. Незачем тебе до поры об этом знать.

Первое утро во дворце оказалось совсем не таким, как Эннеари ожидал – особенно после того, как узрел воочию проникновенную красоту Найлисса. Такую красоту способны сотворить лишь создания возвышенные, утонченные – это же ясней ясного. Люди, одним словом. Пусть даже и вместе с гномами, но Найлисс строили люди, и возвышенность их натуры проявила себя как нельзя более явственно – и захочешь забыть о ней, так не сможешь. А существа возвышенные, как известно, отличаются утонченностью мыслей и чувств. Утонченность же предполагает некоторую хрупкость. Люди недолговечны и хрупки, как все изящное, а потому им никак уж не достаточно той малости сна, которой эльфы могут обойтись даже и с избытком. Это Арьен после прошлогодних скитаний в обществе Лерметта запомнил крепко-накрепко. Люди спят много и просыпаются разве что с рассветом. Ну, ничего – вряд ли можно причесть к серьезным лишениям необходимость дожидаться пробуждения остальных обитателей дворца. Чтобы не пришлось потом утихомиривать недовольных, Эннеари еще дома всем все объяснил наперед – а завидев выражение лиц Аркье, Ниеста и Лэккеана, прибавил для наглой троицы особо, чтоб не смели устраивать каверз, покуда гостеприимные хозяева еще вкушают предрассветный сон. И в остальное время тоже чтобы не смели – ясно?

Однако утро началось совсем не так, как думалось Арьену. Едва только его сотоварищи по посольству начали показываться из своих комнат, как перед Эннеари возник давешний паж, которого эльф, к своему стыду, за недосугом так вчера и не разглядел толком. Мысленно выругав себя за оплошность, Арьен окинул быстрым взглядом его черты, на сей раз приглядываясь внимательно и запоминая надежно: темно-русые, еще чуть влажные волосы, широко расставленные глаза цвета темного пива с чуть тяжеловатыми веками, скорый на улыбку рот, нос с нахальной ямочкой и такую же дерзкую ямочку на подбородке. Интересно, сколько этому парнишке лет? Вечно Арьен сбивается, пытаясь определить человеческий возраст по виду. У Лэккеана такое выражение лица было лет в восемьдесят, никак уж не позже... так сколько же лет этому мальчишке? Тринадцать? Пятнадцать?

– Купальни Коридора Ветвей уже готовы, – возгласил паж бодрым голосом, в котором не слышалось и намека на зевоту. – Завтрак будет ожидать вас в Гостиной Гобеленов.

Интересно, откуда Лерметт раздобыл парнишку, готового вскочить ни свет ни заря – по людским меркам, само собой? То ли мальчик и вообще, вопреки своей человеческой природе, не из любителей поспать подольше, то ли эльфы так ему любопытны, что ради их лицезрения можно даже сном пренебречь, то ли впридачу к обычному жалованию король добавил отдельное вознаграждение – как знать? Судя по свежему, совершенно ясному лицу без малейших следов просоночной мути, веселому сиянию любопытства из темной глубины внимательных глаз да новехонькому синему с золотым шитьем майлету пажа и такой же шапочке-бриолету в тон, правильными были все три предположения.

– Прошу проследовать за мной, – поклонился паж. Эннеари, пряча ухмылку, проследовал. Он еще вчера запомнил, где располагаются купальни Коридора Ветвей – но зачем мешать парнишке исполнять свои обязанности?

Купальни оказались превыше всяких похвал – и не потому, что дворцовые: если верить всезнайке Лоайре, в Найлиссе роскошь настоящего умывания была общедоступной.

– Акведуки – это замечательно! – с энтузиазмом заявил Лоайре, тряхнув мокрыми кудрями.

Эннеари ответил ему непонимающим взглядом.

– А ты не думал, откуда это все берется? – Лоайре с наслаждением подставил сложенные горстью ладони под воду. – Ну да, тебе-то все внове, а я же и до отмены запрета вечно удирал. И городов человеческих навиделся, уж поверь ты мне. Но ни в одном из них мне не приходилось мыться так изумительно. Найлисс и вообще очень чистый город, ты заметил?

Освежившись так, как им и не мечталось в человеческом жилище, а уж тем более в городе, и наскоро проглотив завтрак, эльфы принялись было маяться ожиданием. Никому не

хотелось любоваться гобеленами – уже вдоволь нагляделись вчера, покуда Арьен невесть о чем беседовал с королем. Старые друзья всегда найдут, о чем поболтать, покуда все остальные места себе не находят от нетерпения. Вчера-то заделье нашлось – излазить весь Коридор Ветвей и вдосталь налюбоваться его рельефами – а теперь-то чем себя занять в ожидании королевского приема?

Впрочем, долго ждать не пришлось. Похоже, для человека Лерметт все-таки ранняя пташка. И неудивительно: король все-таки. Недосуг ему дрыхнуть до полудня. Зато придворные то ли не торопились просыпаться, то ли иным из них Его Всемогущество Этикет не позволял присутствовать при официальном приеме эльфийских послов – а только особого многолюдства Эннеари не приметил. И лица сплошь незнакомые, за исключением разве что Илмеррана – ну, да этот, наверное, и вовсе не спит. Во всяком случае, еще никому из юных эльфов не довелось застигнуть своего наставника за этим недостодолжным занятием.

Вчера король явил себя послам пусть и не в зале для приемов, зато при полном облачении – а значит, сегодня церемониал позволял ему некоторые послабления. А может, даже предписывал. Людям по нраву такие изысканные сложности. Длинный нарретталь наподобие вчерашнего означал бы, наверное, некоторую холодность и отстраненность – а вот малый наряд подчеркивает сердечное отношение, право посла быть с королем накоротке... или нет? Пожалуй, все-таки да. В любом случае, Лерметту малое облачение удивительно к лицу – парадный майлет прежних золотистых тонов, рубашка цвета слоновой кости с еле заметным золотистым отливом... возможно, потому он и выбрал именно этот наряд – а экивоки и выкрутасы этикета просто-напросто ни при чем?

Лерметт приветствовал послов с сердечностью, просто-таки удивительной в столь ранний час. Даже для привычного рано вставать короля это подвиг. Да, подвиг, и никак не меньше. Хотя Лерметт всегда был горазд на такие вот маленькие подвиги – само собой, как и на все прочие.

Его связать надо, подумал Эннеари, сгибаясь в ответном поклоне. Связать, а еще лучше заковать, напоить сонным зельем и не выпускать из постели пару недель, чтоб отоспался как следует. Что ты с собой творишь, твое неуемное величество?

В голове Эннеари так и плясали ругательства, одно другого цветистее, а губы тем временем сами собой выговаривали многократно продуманное и крепко заученное приветствие.

– ... и в завершение прошу принять в дар! – заключил свою речь Эннеари почти без участия рассудка.

Илери уже держала наготове футляр, обернутый зеленым шелком. Арьен откинул край мерцающего свежестью покроя, расстегнул футляр, принял его из рук сестры, опустился на одно колено (вроде бы у людей так принято, когда преподносишь подарок королю? Вроде бы да – во всяком разе, никто рожу не скорчил, значит, все правильно) и протянул Лерметту дар, о котором думал еще год назад на заваленном снегом перевале.

– О-охх! – слетело с уст короля.

Он ловко извлек лютню из футляра, нежно огладил кончиками пальцев воздух над самой декой, не касаясь ее, губы его чуть дрогнули. Пальцы Лерметта немного помедлили, а потом коснулись струн, рассыпав быстрые летящие переборы – сначала в технике, называемой у эльфов «горсть черемухи», а потом в более обычной манере «жемчужное ожерелье».

– Арьен, – отсутствующим голосом произнес Лерметт, – ты мерзкий вор.

Эннеари оторопел – в отличие от придворных, явно привычных к подобным выходкам. Уж на что Арьен, казалось бы, знал Лерметта вдоль и поперек, а и то не углядел, что глаза его смеялись.

– Ты украл у меня еще два часа сна, – ухмыльнулся Лерметт. – Не меньше. На таком инструменте нельзя брякать как попало. Просто нельзя. О, конечно, юноша из благородного семейства обязан уметь дергать струны, а принц и подавно. Но этого никак уж не достаточно.

Придется мне подучиться играть как следует. А дел у короля полным-полно, от них времени не отнимешь...

На лице Илмеррана читалось живейшее отвращение.

– Отнимешь, – в тон ему возразил Эннеари. – Ты ведь сам говорил. Для того мы и приехали, чтобы взять часть твоих дел на себя – разве нет? А если ты вместо сна станешь себя струнами мучить, я их повыдергаю, а инструмент разобью об стену, так и знай.

– Поздно надумал, – усмехнулся король, тем не менее отводя подальше руку с лютней. – Раньше разбивать надо было. До того, как подарил. Теперь она уже моя, и ты не можешь...

– Еще как могу, – уверенно посулил Эннеари. – Сам ее делал, сам и разобью.

– Так это... этот инструмент твоей работы? – благоговейно выдохнул Лерметт.

Эннеари кивнул.

– Арьен, ты большой мастер, – тихо молвил Лерметт. – Уж поверь мне.

Глава 2

Беглые огни

В Сулане роскошью всегда почитали не выпученное, как пьяные буркалы, богатство, а изысканность – прихотливую и строгую одновременно, стройное до хрупкости изящество. И к этому изяществу его светлость Мейран, кровный суланец, волей судеб рожденный в Адейне и покинувший ее, когда ему едва сровнялось десять, никак не мог привыкнуть. Во всяком случае, ему так казалось. Может, и впрямь детские воспоминания крепче всех иных? Во всяком случае, так говорят.

На самом-то деле вот уже тридцать шесть лет миновало с того дня, когда мальчик из захудалой Адейны впервые увидел городские ворота Ланна. И это самое-самое первое мгновение, когда сердце его застыло от неведомого прежде ужаса и восторга, а потом сорвалось в бег и застучало жарко и страстно, он действительно помнил, такое не забывается – а вот то, что было с ним прежде... По правде говоря, он уже и не помнил по-настоящему, как выглядит шик по-адейнски, вся эта массивная мебель из дорогого «серебряного» дерева, разменявшая не первый век жизни – кресла, тяжелые, словно жизнь изгнанника, и столы, которые без дюжины тяжеловозов, запряженных цугом, и с места-то не сдвинешь. Тем более он не помнил, как выглядела тогда роскошь в других странах Поречья – ведь он и разглядеть-то ее толком по пути в Сулан не успел, а вновь побывал в сопредельных и ближних странах уже взрослым. Разве что поблескивали смутно из глубин детской памяти самоцветы и позолота Аффрали, слишком уж их было много, чтобы вдруг взять да и позабыть. Да, но эти суланские столики на ломких комариных ножках, эти стулья, невесомые, как стрекозиное крылышко, готовые, казалось, проломиться под тяжестью слишком пристального взгляда... нет, Мейран не привык и не привыкнет никогда.

В действительности привыкнуть он не мог совсем к другому. Привыкнуть к тому, что под его величеством Сейгденем еще не разлетелось вдребезги ни одно кресло, и впрямь невозможно. А между тем Сейгден за всю свою жизнь не сломал ни одного предмета. Только такой король и может править Суланом – любой другой еще в бытность свою малолетним принцем разнес бы дворец на кусочки из одного только желания как следует побегать и порезвиться. Вот только мальчишка Сейгден бегал, не задевая ничего и никогда. Полезная привычка для маленького принца – а для взрослого короля полезная вдвойне.

Мейран отлично помнил тот день, когда он впервые увидел своего будущего короля. Серьезный такой ребенок, целеустремленный, как кирпич в полете, основательный, кряжистый – в шесть уже лет кряжистый, а это не шутка, государи мои. Мейран посмотрел на него снисходительно с высоты своих десяти лет – а Сейгден неожиданно ухмыльнулся и предложил: «В „черную лису“ сыграть хочешь?» Мейран согласился... и был позорно разгромлен во мгновение ока. Когда отец Мейрана, остолбеневший от сыновней дерзости, обрел-таки дар речи, принц уже объяснял новому своему знакомцу все тонкости и ухватки «черной лисы», а Мейран, разом растерявший недавние покровительственные замашки, почтительно внимал тому, кого признал своим повелителем и полководцем на всю оставшуюся жизнь.

Вот и минуло этой самой жизни тридцать шесть лет... а Сейгден и Мейран до сих пор играют в «черную лису» – только теперь на одной стороне. Вроде бы и далеко ушел господин первый министр от почти бесприютного мальчишки, отпрыска боковой ветви не самого знатного рода... далеко, говорите? Да ни на шаг! Под ногами Мейрана все те же плиты, на которые его швырнул шестилетний сопляк... швырнул, а после протянул руку, чтобы помочь десятилетнему мальчику встать... плиты все те же, и мальчик все тот же – а что с тех пор мальчик землями да чинами оброс, ничего не меняет. И Сейгден, хвала всему существу, не переменялся

ничуть – только вырос и повзрослел. Все такой же кряжистый, мощный... и как только под ним кресло не разлетается вдребезги – уму непостижимо!

Не к роскоши Суланской, не к ее почти кокетливой хрупкости Мейран так и не смог привыкнуть, а к сочетанию этой ломкой изысканности и своего короля. Ведь опусти Сейгден руку на каменный парапет – и тот не выдержит, прогнется, не сможет не прогнуться... нет, Мейран не спорит, королевские покои и впрямь обставлены с отменным вкусом, почти безупречным, и эта мебель, если вдуматься, может выдержать не только комара, но даже и бабочку. Да, и вот за этим столом на этом кресле сидит король... сидит, и бокал из радужного стекла эттармского в руке держит... и... и ничего!

Всякий раз, когда Мейран видел своего короля не в седле и с двуручным мечом, не на просторе, не в дворцовом парке хотя бы, а в дворцовых покоях, всякий раз ему приходила на ум старая, смутно памятная с детства сказка о волшебном тигре в волшебном стеклянном лесу – где ни травиночки сломать не смей, ни листочка разбить не моги. Вот он, тигр сказочный: упругая ленивая мощь, небрежная меткость, не знающая промаха, тяжкая грация в осыпи стеклянного звона – и только прозрачная листва трепещет ему вдогон!

Где-то на одной из городских башен Ланна колокол принялся мерно отзванивать полночь. Тигр зевнул и потянулся. Стелянный лес дрогнул, рассыпаясь мириадами drobных радужных вспышек, беззвучно тенькнул в ответ на бронзовый гул, промерцал напоследок и угас, сменяясь дворцовыми покоем: легкий переплет оконной решетки, витые свечи на ночном столике, почти невесомое кресло с прихотливо изогнутыми ножками...

– Отчего так поздно? – спросил король. – Я уже совсем было спать собрался...

Нижняя челюсть его еще напряглась слегка, скрывая новый зев, но из внимательных глаз сон уже схлынул полностью. Какой уж тут сон, когда первый министр о полночь едва ли не прямо в опочивальню явился! Значит, что-то случилось... тревожное что-то – с бестревожными новостями можно ведь и до утра погодить.

– Что случилось? – спросил Сейгден.

– Беглые огни, – ответил Мейран.

– Военный сигнал? – произнес Сейгден с изумлением и недоверием настолько сильным, что от этого недоверия его крупная голова чуть подалась назад. Ну еще бы – после прошлогодних ристаний... да нет, какая там, к шути, война? Быть того не может.

Мейран покачал головой.

– Нет. Просто двойной костер. Созыв на Большой Совет.

Два костра на небольшом расстоянии друг от друга. В случае опасности военной их было бы три. Два костра – опасность неведомая... нет, не военная – просто неизвестно, какая. Другая. Незнаемая угроза. Вот уже больше трехсот лет никто не зажигал двойных костров. Мейран так даже и не сразу понял, в чем дело.

– Чьи огни? – требовательно спросил король. – Кто сбор объявил?

Он прав. С этого и следовало начинать. С этого, а вовсе не...

– Огонь малиновый, дым лиловый, – четко ответил Мейран.

– Найлисс, – пробормотал Сейгден. – Найлисс. Лерметт. Наконец-то.

Радужный бокал уже стоял на столике – и когда это он там очутился? Король опустил локти на стол и уронил голову в ладони. Плечи его разом обмякли, словно с них толь ко что сам собой соскользнул тяжелый груз, но беспокоиться не о чем – найдется, кому подхватить упавшее.

– Я дурак, – глухо выдохнул Сейгден себе в ладони. – Давно мне надо было с этим щенком потолковать.

Он поднял голову и коротко рассмеялся.

– Все сам да сам... как будто я один на свете! Думал, думал... и так и этак в голове поворачивал... тебе – даже тебе! – ни словом ведь не сказан... тревожить тебя попусту не хотел.

Мейран тяжело сглотнул. Если Сейгден о чем-то умолчал... да, это серьезно. Хуже, чем серьезно. Не в том банальном для большинства королевских дворов смысле, что первый министр у его величества из доверия вышел. Ерунда. Сейгден и Мейран всегда делились друг с другом любимыми соображениями – потому что именно друг с другом, а не король с министром. Чтобы между ними доверие исчезло, нужно сперва их дружбу порушить – а такое едва ли возможно. Но если один из друзей переживает какую-то мысль в одиночку, не осмелясь потревожить ею второго... это должна быть очень мучительная мысль. Да, и при чем тут король Найлисса?

Мейран не испытывал ревности к Лерметту. Даже на одно-единственное мучительное мгновение – не испытывал. Просто ему хотелось знать... нет, не так. Не хотелось. Между «хотелось» и «должен» есть разница – ого, и еще какая!

– Ты неправ, твое величество, – усмехнулся Мейран. – Тут уж одно из двух – либо «потревожить», либо «попусту».

Они всегда были на «ты», даже и прилюдно. Вздумай Мейран обозвать короля «вашим величеством», это означало бы, что он всерьез на него разобижен... или сам хочет обидеть. Тоже всерьез.

– Да нет, – не согласился Сейгден. – Бывает и такое. Другое дело, что сказать тебе я был должен... а Лерметту так просто обязан. Никто другой нам лучше, чем он, не присоветует. По эту сторону реки никто не знает степь лучше него.

– Так ведь со степью мы замирились, – удивился Мейран. – Разве нет?

– Да, – вздохнул король. – В том-то и весь ужас. Я давно уже об этом думаю. Вот как мне эта мысль во время ристаний в голову пришла, так и избыть ее не могу.

Он поднял со стола бокал и допил последний глоток.

– Сам посуди, – молвил король, устремив на бокал задумчивый, почти отсутствующий взгляд. – Да что там... просто вокруг оглянись.

Мейран послушно оглянулся вокруг. Легкий переплет оконной решетки, витые свечи на ночном столике, почти невесомое кресло на прихотливо изогнутых ножках...

– Ты никогда не задумывался о том, насколько мы богаты? – очень тихо осведомился Сейгден.

– Задумывался, – ответил Мейран. – И даже способствовал.

– Богаты, – повторил король. – Даже твоя Адейна захолустная на самом-то деле богата. Нет, я понимаю – здесь, в Ланне, тебе так не кажется. А ты не как суланец Адейну припомни. Ты на нее из степного шатра посмотри.

Усилие Мейрану над собой пришлось сделать совсем небольшое, ибо шатры степняков он видел, и не единожды. И если взглянуть через реку из такого шатра... да. Определенно даже да. И от этого «да» Мейрану сделалось зябко и душно.

– Что, понимать начинаешь? – криво усмехнулся Сейгден. – Мы богаты. Шесть веков назад мы были куда как беднее – но степь это не остановило. Мы все равно были лакомым кусочком. А теперь... да на этот кусочек столько всяческих приправ изысканных насыпалось, что он сам в рот просится! Это ведь только кажется так, что мы шестьсот лет воевали. Разве же это война? Все загодя известно, все расчислено, у каждого из королей в степи свои лазутчики. Как только чихнет великий аргин, так за рекой военная тревога. Один набег, один-единственный, ритуальный. Стоит отбросить врага один только раз, и этого довольно. Живи себе мирно, коров дои, виноград дави. Это ведь только приречные области воевали, да и те... не так, чтобы очень. Если последнего нашествия на Найлисс не считать, за шесть сотен лет ни одного настоящего набега и не было. А те, что были, никогда не проникали вглубь наших земель. И кусок

изо рта выхватывать, чтобы денег достало оружие сладить, нам тоже не приходилось. Шесть веков почти что мира. Отрежь на охрану границ самую малость – а на остальное богатей... мы и разбогатели. За шесть-то сотен лет. А степь осталась прежней.

Сейгден с силой выдохнул и свирепо, почти с ненавистью уставился вновь на ни в чем не повинный радужный бокал. Мейран не произнес ни слова. Он просто ждал молча – и дождался той минуты, когда взгляд короля нехотя смягчился. Мало-помалу, но все-таки смягчился.

– Дураки были наши предки, – угрюмо заметил король. – И мы не лучше. Единолично богатеть бок о бок с нищими – пусть даже и не за их счет, просто рядом – это не только дурная мораль. Это еще и дурная политика.

– Вестимо, дурная, – откликнулся Мейран. – Кажется, я понял, отчего тебя жуть продирает.

– А чего тут не понять... – вздохнул Сейгден. – Сначала шесть веков почти мира – а теперь мир настоящий, без всяких «почти». Раньше в наших краях степняки бывали только в перерывах между набегами, и то не помногу. А теперь они на нас вдоволь понасмотрелись... и еще насмотрятся. И насмотрятся, и обзавидуются, и все такое прочее... сколько нам осталось до войны – до настоящей войны? Пятьдесят лет? Восемьдесят?

Волк бежал крупным машистым шагом, не сбавляя ходу. О да, он устал за минувшую ночь – но это была хорошая усталость, звонкая, как ответная песня волчицы. От нее не сбивалось дыхание, не сводило мускулы. Она была упругой, как лесной мох, эта усталость, и мощные лапы ступали по ней быстро и бесшумно. Волк мог бы бежать так еще хоть весь день, но нужды в том не было. Оставалось совсем немного – нырнуть в Серую Тень, незримую людям, ощутив на мгновение мимолетный шершавый холодок, вздыбливающий шерсть. Промчатся по тропе, которую ночь усыпала зеленовато-желтыми лапами каштанов и кленов. Вылететь с разбегу на чуть привялую траву, подпрыгнуть в воздух всеми четырьмя лапами и покатиться кубарем, покатиться через голову по холодной предосенней росе...

Четыре шага, отделяющие его от мраморных дворцовых ступеней, его высочество Эттрейг, принц крови Эттармского королевского дома, проделал уже в человеческом обличье.

Эттрейг привычным движением опустился на ступени. Наверняка от мокрого камня тянуло лютым холодом, но сейчас, пока Грань еще не отпустила Эттрейга, это не имело значения. Не впервой ему сидеть на дворцовых ступенях – и ни разу с ним ничего не случилось, даже простуды, и той не схватил. Не сделается ничего и теперь.

Нет, его высочеству не было холодно. А вот голова кружилась – не очень сильно, зато неотвязно. После оборота голова всегда немного кружится, и самое лучшее – переждать, пока его отпустит окончательно. Или, вернее, пока он отпустит себя сам. Сойти с Грани – дело недолгое... но он всегда медлит, всегда. Становясь волком ли, человеком ли, но он всегда медлит, отпуская один мир ради другого. Грань мучительна, как первая любовь неуклюжего подростка – и, как безответная любовь, она одаривает стократ. На Грани весь мир прозрачен и ясен, как осенние воды, и понимание не требует усилий. Грань – это место прозрения, ничем не замутненной интуиции, безошибочного наития. Именно на Грани, где сходятся мир Человека и мир Волка, ты с режущей остротой понимаешь их... и не только их. Может быть, и есть оборотни, которым только и надо, что побегать по лесам в звериной шкуре – но Эттрейг даже и этому несомненному удовольствию всегда предпочитал убийственную радость Грани.

Хотя и волком быть – редкостное счастье. Не меньшее, чем быть человеком. А сегодня для белого волка и вовсе выдалась хорошая ночь. Он пел – и слушал ответное пение. Волки Эттарма верны древнему договору. Эттрейг пел, и они пели вместе с ним. Их пение все еще струилось по его жилам, Эттрейг все еще слышал его, хотя и не ушами – и будет слышать, пока не затворятся Волчьи Врата. Те самые, которые он в обличье волка именует Серой Тенью. Интересно, который из них более прав – волк или человек? Или ни один?

В любом доме, в любой стене есть Волчьи Врата, Серая Тень, незримая ни волку, ни человеку – но любой оборотень, и только он, может пройти в нее невозбранно. Скоро Серая Тень в стене, окружающей дворцовый парк, сменится скрипучей калиткой, которую не видит ни один стражник. В ту минуту, когда Эттрейг соступит с Грани, калитка закроется до следующего раза, и тогда он подымется со ставших внезапно холодными ступеней и войдет во дворец.

Да, это была хорошая ночь. После такой ночи и спать не надо – сил хватит не меньше, чем на сутки. Не будь у Эттрейга хоть изредка таких ночей, ему бы, пожалуй, и вовсе не выдержать. У человеческих сил есть свой предел, и Эттрейг давным-давно оставил его позади.

Серая Тень вроде бы уплотнилась... да нет, какое там «вроде бы» – уплотнилась, даже начала чуть слышно поскрипывать на утреннем ветру. Впрочем, Эттрейг мог бы заметить изменение и не прислушиваясь, не глядя даже. Он всем телом своим ощущал, как грань малопомалу покидает его, как звонкое утомление волчьего бега сменяется обычной человеческой усталостью, противной и застарелой, как мозоли, усталостью такой давней, что исцелить ее бессилён даже оборот – разве что приглушить на время. Как он устал... о Тень и Врата, как же он устал!

Эттрейг медленно поднял руку ко лбу и откинул волосы назад. Хорошо, что в светлых волосах седина почти незаметна. Полголовы в седине, а он едва-едва третий десяток разменял. Ему только через три месяца исполнится двадцать один, а он так устал...

Ладно, что уж там. Довольно ныть и плакаться. Усталость там или не усталость, седина или не седина, а это была хорошая ночь. Не на что тебе жаловаться, Эттрейг. Не на что. Скулить ты был вправе раньше, год назад, когда ты не мог позволить себе таких ночей – да что говорить, ты не мог себе позволить и обычного сна иначе, как вполглаза. Год назад... до того, как появилась Талле...

– Талле... – думал Эттрейг, оперев подбородок о сжатые кулаки и глядя на замерший в ожидании осени дворцовый парк. – Талле... ты сумасшедшая суланка, Талле. Ты совершенно сумасшедшая, и я обязан тебе по гроб жизни. И за свой спокойный сон – изредка хотя бы спокойный – и за эти ночи, наполненные пением, и за Грань... и за все то счастье, что ты подарила несчастному королю. Я твой должник, Талле... за себя, за короля и за весь Эттарм.

Эттрейг даже и в мыслях всегда называл Трейгарта по имени либо королем – и никогда дядюшкой, хоть и приходился ему племянником. Слишком жестоко напоминать человеку о том, что у него никогда не будет детей – не будет, потому что он сам так решил... и был прав... несомненно, прав... только это больно, слишком больно... нет, наследник престола по боковой линии, принц крови Эттрейг, сын младшего брата короля, а значит, королевский племянник, никогда не называл короля Трейгарта дядей. Даже и в мыслях не называл – как будто Трейгарт мог услышать их, эти мысли.

Хотя... как знать, что может и чего не может оборотень, для которого Волчьи врата пусть и зрими, но закрыты.

Полтора года тому назад его почти тезка, Иттрейг Отступник, предал свой дар и свой народ. То, за что обычный человек платится всего лишь укорами совести, если она у него есть... оборотень королевской крови за подобные проделки платит куда дороже. Волк Эттарма сам явился к королю-предателю, явился и... нет, не отобрал Дар полностью – закрыл его. Дар, как и прежде, струился в жилах королевей Эттарма – и сворачивался, закупоривая вены кровавой коростой, пенился безумием в мозгу, выгибал тела в приступе падучей, разъедал удачу и пожирал счастье. Младшие сыновья, дети боковой ветви были свободны от проклятия – но ни один наследник престола, ни в бытность свою принцем, ни впоследствии, уже став королем, не мог войти в Волчьи Врата. Ни один из них не был счастлив, ни даже удачлив... не иначе, Волк сам хранил Эттарм, отняв это право у королевей вместе с Даром – в противном случае непонятно, почему за полторы сотни лет все вокруг не разлетелось вдребезги. Увечные, припадочные короли, ни один из которых не мог похвалиться долгой жизнью...

О да, с проклятием пытались бороться – а как же. Когда Иттрейга сменил на троне его старший сын и стало ясно, что и он не свободен от проклятия – и тоже по заслугам – новый король призвал к своему двору магов видимо-невидимо. Одни пожимали плечами, другие отмалчивались. И лишь самый младший и самый дерзкий из них соизволил приотомкнуть уста. Он сказал, что проклятие снять не просто. Не просто, а очень просто. Сделать для этого нужно сущую малость – но сделать ее не для того, чтобы снять проклятие, а от чистого сердца, по доброй воле, иначе ничего не получится. А посему он, маг, не смеет даже намекнуть, в чем именно заключается означенное действие, дабы из-за его длинного языка проклятие Волка Эттарма из обратимого не стало вечным. С чем и отбыл, успев вовремя уклониться от тяжелой вазы, запущенной королем ему в голову.

Вот потому Трейгарт не женился и детей не завел. «Проклятая кровь закончится на мне» – вот что он сказал. Дети не заслужили рождаться с проклятием в крови. А Эттарм не заслужил проклятых королей тем более. Корону Эттарма унаследует сын младшего брата. Оборотень, свободный от проклятия.

Нет, Эттрейг никогда не называл и не назовет Трейгарта дядей. Только королем – или по имени.

Зачем, зачем, зачем?! Если есть на свете человек и король, во всех своих проявлениях непохожий на Иттрейга, так это Трейгарт... зачем, за что, за что? Неужели проклятие настолько слепо... ведь должен, должен найтись какой-то выход! Всякий раз, оказываясь на Грани, Эттрейг искал его – случалось даже, что и находил – но всякий раз знание оставляло его, едва он покидал Грань, расплывалось туманом, пряталось в Серой Тени. Оставалась лишь смутная память о том, что выход есть – память, противостоящая отчаянию. Только она и могла ему противостоять – до тех пор, пока появилась Талле.

Все-таки проклятие не совсем слепо. Трейгарту во всех его начинаниях везло куда больше, чем его предшественникам. А Талле была самым большим его везением. Нежданной, совершенно шальной удачей. Точно, что шальной. Более шального существа, чем Талле, так сразу и не выразишь.

Эттармский наемник, обосновавшийся в Сулане, пошел далеко – аж в начальники королевского караула выбился. В этой должности и погиб, заслонив своей грудью тогда еще принца Сейгдена от ножа безумного маньяка. Принц клятвенно обещал умирающему наемнику позаботиться о его единственной малолетней дочери. Он и позаботился. Девочка хотела стать такой, как папа – и Сейгден предоставил ей такую возможность. Правда, превзойти своего короля на мечях она так и не смогла, хотя Сейгден тренировал ее лично... так на то он и Сейгден – а быть Вторым Клинком Сулана, уступая лишь самому Сейгдену, тоже очень и очень неплохо. Зато отца своего Талле превзошла во всем – а потом, как велит семейная традиция, отправилась искать место службы. Благословен будь Великий Волк, направивший ее стопы на родину отца, в Эттарм!

Трейгарт всегда бдительно следил за собой и запирался в своих покоях при малейшем предощущении падучей... но иногда на него накатывало настолько внезапно, что он ничего не успевал с собой поделаться. Раньше скрутить Трейгарта в припадке удавалось только Эттрейгу. Долгие годы королевский племянник не знал ни крепкого сна ночью, ни отдыха днем – стоит ему замешкаться, промедлить, и как знать, сколько жизней успеет унести безумная королевская воля за одно непоправимое мгновение? Закрыть рот ладонью, скрутить в удушающий захват... эти движения были привычны Эттрейгу, как ходьба или дыхание. Но на том памятном ему заседании королевского совета Талле оказалась ближе к королю, чем Эттрейг... а возможно, и быстрее.

Припадок начался почти мгновенно. Эттрейг только и сумел, что рвануться к королю, сметая на своем пути абсолютно все – а Талле уже успела швырнуть короля на стол и навалиться сверху всей своей тяжестью. Да, и еще рявкнуть: «Пошли вон, остолопы!» Придвор-

ным, и без того привычным удирать при первых же признаках припадка, второго приглашения не требовалось. Только Эттрейг задержался в дверях, прикрывая отход – и потому увидел, с какой властной нежностью губы Талле накрыли искривленный приступом рот короля. Эттрейг закрыл за собой дверь, вздохнул с облегчением и заснул прямо на полу у входа в Зал совета. Принц не спал вот уже трое суток, пытаясь предугадать начало припадка – и все же едва не опоздал.

За последний год приступы падучей случались с Трейгартом не так уж часто – но даже когда и случались... Талле, я твой должник в этой и в той жизни. За ту любовь, которую ты так щедро даришь эттармскому королю... горькую любовь, ибо ради нее ты отказалась от материнства... за твои сильные руки, раз за разом отгаскивающие Трейгарта от края, за которым нет ничего, одно лишь безумие. За то, что ты умеешь любить и сражаться, не требуя взамен ни счастья, ни победы. А еще я должен суланскому лису Сейгдену – за то, что он помог тебе стать такой. Эттармские волки всегда платят свои долги. Та часть моей жизни, что не принадлежит моему истерзанному проклятием королю, принадлежит вам.

Калитка скрипнула в последний раз и закрылась. От ступеней потянуло тяжелым каменным холодом. Эттрейг еще раз откинул волосы со лба и встал. Незачем заставлять себя ждать. Не пройдет и минуты-другой, как его позовут. Эттрейг знает это наверняка – потому что знает, зачем его позовут и что ему скажут. Да и может ли он не знать, если он пел сегодня вместе с волками?

Трейгарт и в самом деле ждал племянника. Он еще не вышел из опочивальни, но был одет почти уже полностью, только серый шелковый майлет, расшитый крохотными хрусталиками, все еще валялся на постели. А вот Талле пока не сменила отороченное белым лисьим мехом ночное платье на парадный наряд. В мягком, не стесняющем движений одеянии гораздо удобнее растирать плечи своего возлюбленного. Эттрейг в который уже раз подумал, насколько эти двое друг другу под стать. Он не мог бы себе представить рядом с Трейгартом никакой другой женщины, кроме Талле – высокой, ладной Талле с ее невероятными руками. Кисти ее на первый взгляд казались некрупными – но как опытный музыкант небольшой с виду рукой может взять на клавикордах две октавы, так и пальцы Талле охватывали гораздо больше, чем можно было предположить, бралась ли она за рукоять тяжеленного двуручного меча или же просто, как сейчас, разминала плечи Трейгарта. Принцу нечасто доводилось заставить короля и тем более Талле одетыми по-домашнему, запросто, и сейчас он глаз не мог отвести от представшей перед ним картины. Привычная горечь (эх, вот бы волк был!) подкатила к горлу, когда Эттрейг мельком глянул на короля: тело жилистое, сухое, легкое – и это при довольно широком, в общем-то, костяке... идеальное тело для волка... да будь оно проклято, это проклятие!

– Я ждал тебя. – По своей всегдашней привычке Трейгарт, едва только успев ответить на приветствие племянника, сразу перешел к делу. – Из-за беглых огней.

– Кто зажигал? – поинтересовался Эттрейг, хотя прекрасно знал ответ. Но сказать такое нельзя – ведь это все равно что сказать: «Я пел сегодня и слышал пение, я видел огни, я знаю, чьи они и какова их весть». Перед безногим плясками не хвалятся.

– Ну-ну... – Трейгарт иронически заломил бровь. – И о чем ты пел сегодня, если для тебя эта новость и впрямь внове?

Эттрейг мучительно залился краской. Вот это попался так попался!

– Шалопай, – добавил Трейгарт.

Эттрейг опустил голову. Мысленно он молил Тень и Врата согнать краску с его лица, но щеки по-прежнему пылали жарко, как угли.

Внезапно ему послышался сдавленный смешок... нет, не послышался! Изумленно вздернув голову, он увидел, что Талле едва сдерживает смех, а Трейгарт, тот и вовсе откровенно потешается.

– Этти, – мягко улыбнулся Трейгарт, – не старайся быть деликатнее похоронных дел мастера. Со мной – не надо.

– Да, – еле вымолвил Эттрейг.

– Тем более сейчас расшаркиваться, юлить и церемонии разводить не время, – чуть приметно вздохнул Трейгарт. – Слишком многое надо успеть сделать до отъезда.

Эттрейг кивнул. Да, если король не оставит ему распоряжений на время своего отсутствия, ему придется справляться самому... к слову сказать, он бы и справился – но раз уж Трейгарт считает, что каждый его шаг должен быть расписан, ему виднее. Кто здесь король, в конце-то концов? А то, что Эттрейг лет с четырнадцати фактически правит страной во время особенно долгих недомоганий короля, ничего не значит: Трейгарт, даже и разбитый недугом, всегда рядом и всегда может поправить или даже отменить неудачное распоряжение... и если он ни разу ничего из решений принца не отменил...

– Конечно, лучше бы вызов на Большой Совет пришел зимой, – заметил Трейгарт, вырывая принца из его раздумий.

– Почему? – искренне удивился Эттрейг.

– Потому что ты успел бы стать совершеннолетним, – отрезал Трейгарт. – И на Совет бы поехал как король, а не как королевский племянник.

– Как... король? – задохнулся Эттрейг.

Трейгарт, прищурясь, одарил его долгим взглядом.

– По-твоему, я нарек тебя наследником престола для собственного развлечения? – поинтересовался король.

– Нет... но... – Эттрейг потерял дар речи окончательно. Нет, он знал, что когда-нибудь унаследует корону... но ведь наследство получают от того, кто умер – и как такое сказать прикажете? «Я, дядюшка, ожидал этой чести только после вашей смерти» – так, что ли?

– Или ты дожидаясь, пока я окончательно скрещу лапы? – Трейгарт прищурился еще сильнее. – Не рановато ли?

– Прекрати, – фыркнула Талле. – У тебя с утра пораньше шуточки такого пошиба, что никакой наследник престола не поймет, даже Этти.

Трейгарт ухмыльнулся.

– Ладно, любимая, – покаянно произнес он – вот только в его карих глазах не было ни следа раскаяния. – Хотя я всегда считал, что король должен уметь понимать любые шутки. Даже самые сомнительные.

– Вот когда станет королем, тогда и будет понимать, – возразила Талле. – А сейчас ему не до шуток. Какие шутки, когда ему со дня на день уезжать!

До слов Талле Эттрейг главной частью этой сногшибательной новости полагал формулировку «как король» – и лишь теперь уяснил, что чудовищная фраза содержала слово «поехал».

– Так значит... это я поеду? – оторопело прошептал он.

– Конечно. – Король встал, и руки Талле мягко соскользнули с его плеч. – Чем раньше ты начнешь привыкать к своим обязанностям, тем лучше. Ты умеешь уже почти все... эта поездка восполнит ту малость, которой тебе пока недостает. И потом, Этти – вдвоем мы ехать не можем, кто-то должен остаться здесь. Ехать без тебя? Так ведь взять Талле на совещание королей я тоже не могу – а что, если меня прямо там и прихватит?

Будь оно проклято, это проклятие!

– Не вешай нос, волчонок, – усмехнулся Трейгарт. – Пора привыкать. Еще несколько месяцев – и это все твое.

– Я привыкну, – с угрозой пообещал Эттрейг. – Меня ведь не корона пугает.

– Да? – поинтересовался король. – А что же?

– А то, – с расстановкой заявил Эттрейг, – что когда ты спихнешь корону на мою голову, то наконец-то надумаешь жениться, а меня на свадьбу не позовешь, чтобы я не отвлекался от

своих королевских обязанностей. Только ты учти, я тогда вас на медовый месяц отправлю в Адейну. Своей королевской волей. Розы нюхать.

– Вот видишь, – Трейгарт с самой серьезной миной обернулся к Талле, – понимать монаршие шутки он еще не научился, а вот сам так шутить – вполне. Еще бы пару уроков ему дать... жаль, что и впрямь некогда.

Эттрейг только развел руками и поклонился. Перешутить дядюшку в его излюбленной манере у принца до сих пор не получилось ни разу – не получится и впредь. Во всяком случае, в ближайшее время.

– Привет суланскому лису передать? – обратился он к Талле.

– Обязательно, – ответила она. – Спасибо, Этти.

Выходя из королевских покоев, Эттрейг с изумлением поймал себя на том, что улыбается, сам не зная, чему. Нет, не предстоящая поездка так обрадовала его и тем более не близость короны. Тут уж скорее плакать надо, а не смеяться.

И все же, несмотря ни на что, Эттрейг не мог отделаться от мысли, что в этом утреннем разговоре прозвучало что-то очень важное – и очень, очень хорошее.

– Больно много чести, – сухо отрезал Аженк. – Поедешь именно ты. Ты, а не я.

– Но почему? – Его высочество принц Орвье, взметнув ресницами, устремил на отца умоляющий взгляд. Ресницы у Орвье были изумительно хороши: пушистые и длинные, как у девушки. Одна беда – аффральский принц никак не мог разобраться, радует его это или скорее огорчает. Оно конечно, девушки от его ресниц просто млеют... но взгляд в тени этих ресниц кажется таким наивным, таким... таким неискушенным. Как же обидно выглядеть несмышленьким! Орвье частенько перед зеркалом пытался придать своему взгляду потребную для наследника престола твердость и решительность – после чего страдал сугубо... до тех пор, пока уста очередной придворной красавицы не принимали с томным вздохом к его длинным, пушистым ресницам.

– Почему?! – вновь едва не возопил Орвье.

– Я же сказал, – желчно откликнулся король. – Много чести. Найлисс и вообще в последнее время слишком многое на себя берет.

– Но после того, как Найлисс замирил нас со степью... – начал было Орвье.

– Вот именно! – раздраженно бросил Аженк. – После того, как Лерметту удалось то, что не удавалось ни одному королю за последние шесть веков! Есть отчего голову высоко держать!

Он поднялся с трона и принялся нервно расхаживать по залу, не в силах унять себя привычным усилием воли.

– А теперь именно Найлисс объявляет Большой Совет – зачем бы в мирное-то время?

Принц непонимающе уставился на Аженка.

– О Боги, – сквозь зубы выдохнул король. – Когда же ты научишься? Тебе бы хоть десятую часть ума найлисского пройдохи – вполне бы приличный король со временем получился. Вот Лерметт, тот не дурак. Он не рисковал ничем. Степь он знает, как не всякий шулер собственную колоду – наизусть. Он не рисковал, о нет! Сыграл наверняка – и сгреб все, что было на столе. А теперь он надбивает ставку.

– Но ведь мир он выиграл для всех нас, – робко возразил Орвье.

– А нынешнее положение Найлисса в Восьмерном союзе – для себя! – его величество Аженк дернул губами. – Позиция Найлисса упрочена, как никогда. Кого мы должны благодарить за прекращение военной угрозы? Лерметта, конечно, кого же еще!

– И Сейгдена, – отважился вставить Орвье.

– Вот именно! – подхватил Аженк. – Лерметта и Сейгдена – но масть разыгрывал все-таки Лерметт. Сейгден ему всего-навсего помогал... вот и подумай, что собой представляет найлиссский мальчишка, если суланский лис у него всего-навсего в подручных ходит!

Орвье сглотнул. Король Сулана произвел на него впечатление человека отнюдь не слабохарактерного и очень умного. Действительно, что же это получается, а?

– Он надбивает ставку, – повторил Аженк. – Объявляет Совет – чтобы все короли живехонько притрусили к нему на задних лапках. И гавкали исключительно тогда, когда он им позволит. Нет уж. Афффраль такого унижения не потерпит. Совсем не явиться на Совет Королей нельзя – но я на него не поеду.

– Но я... – взмолился Орвье.

– Что – «но ты»? – Король повернулся на каблуках и устремил на сына исключительно неприятный взгляд.

Орвье потупился и без всякой нужды одернул полы своего бархатного майлета. Золотые мотыльки, вышитые по синему бархатному полю над пестрыми цветами Афффрала, всплеснули ажурными крылышками и замерли.

– Но я... если все обстоит именно так... – принужденно пробормотал принц, – какой я ему противник?

– Никакой. – Аженк слегка взмахнул своей узкой белой рукой, словно подчеркивая этим жестом уничижительный смысл своих слов. – Совершенно никакой. Но ведь это от тебя и не требуется.

– Но... ведь если ехать должен я... – теперь Орвье уже окончательно ничего не понимал.

– Ты вовсе не должен что-то делать, – пояснил Аженк. – Ни в коем случае. И думать даже не смей трепыхаться. Никто не требует, чтобы ты напрягал мозги, которых у тебя нет, проницал ими хитромудрые планы найлиссского короля и давал им достойный отпор. Ничуть. Само твое появление на Совете вместо меня – это и есть наш отпор Найлиссу. Наш ответ во всей его полноте.

– И в чем же он заключается? – тоскливо поинтересовался Орвье.

– В том, что Афффраль отказывает Найлиссу в той чести, на которую он претендует, – отчеканил Аженк. – И на Совете им придется обойтись оболтусом-наследничком, а не королем Афффрала. Я не поеду в Найлисс. Много чести.

Принц прерывисто вздохнул – очень тихо, чтобы отец не услышал. С этим ничего не поделаешь. Ехать придется. Но... Боги, как же не хочется! И почему Лерметту вздумалось зажечь беглые огни именно сейчас? Почему не раньше? Или, для разнообразия, не позже? Почему именно осенью, когда в Афффрала начинается череда балов и прочих празднеств?

Орвье вырос не самым умелым воином и уж тем более не дипломатом. Ночью, в предсонных мечтаниях, он созерцал себя и тем, и другим... но в беспощадно сером утреннем тумане ночные грезы делались такими же серыми и тусклыми, а неумолимый рассвет окончательно развеивал их призрачные ключья. Зато в пиршественной зале, зато на охоте или на балу... о, тут Орвье не было равных во всей Афффрала!

Рядом с желчным, подозрительным, сухим в обращении королем Орвье казался средоточием доброжелательности – и люди тянулись к нему. Ему не требовалось завоевывать сердца дворян – они благоволили юному наследнику без малейших усилий с его стороны. Да что там усилий – он и сам не мог бы сказать, как это у него получилось. Зато его величество Аженк понимал происходящее отлично – и одно лишь это понимание утишало его тревогу, когда он думал о будущем сына. «Балбес, любимый своими подданными, имеет побольше шансов усидеть на троне, чем непопулярный умник», – бывало, говаривал Аженк сам себе, глядя, как вспыхивают среди придворных улыбки неподдельной симпатии, когда Орвье гордо выпрямлялся, закладывая левую руку за спину, как того требует четвертая фигура старинного танца рейнот, и кланялся танцующей напротив него даме. Орвье даже не дурак – он всего-навсего дурачок... но при виде него у людей теплеют глаза... он отцарствует свое без помех.

Эти мысли отца, само собой, оставались для Орвье неведомы. Зато во время бала он находился в своей стихии – и уж это он знал преотлично. Пожалуй, он и счастлив-то бывал

исключительно осенью, сам не понимая, отчего. Еще с весны он предвкушал нынешний балый сезон... и на ж тебе! Бросать все только оттого, что у отца так некстати задрался нос выше короны, и ехать – ехать не куда-нибудь, а в Найлисс... туда, где ему неизбежно придется засесть в Совете Королей бок о бок с Лерметтом... и Сейгденом... вот уж рядом с кем Орвье чувствует себя полнейшим ничтожеством. Если перед эттармскими волками Орвье всего-навсего робел – а ты попробуй не сробей перед оборотнем! – то умница Сейгден... и Лерметт – его сверстник Лерметт... ровесник, одноклассник – вот что невыносимо! Никогда, никогда, ни в чем Орвье не сравнится с королем Найлисса, с мучительным образом его неисполнимой мечты... сколько же месяцев Орвье придется ежедневно глядеть ему в глаза вместо того, чтобы отплясывать на балах? Променять три месяца счастья – единственные в году! – на три месяца непрерывного унижения...

Принц Орвье не мог бы сказать, кого он сейчас ненавидит больше – отца, равнодушно отсылающего его в унижительную поездку, или Лерметта, засветившего беглые огни. И почему эти двое вздумали терзаться амбициями?

Если бы Орвье сказали, что его ненависть больше всего похожа на сочувственную симпатию – нипочем бы не поверил.

Надо же, какая теплынь выдалась! Созвездие Певца вот уже неделю, как поднялось над горизонтом – значит, пора настала осенняя. А солнцу будто и невдомек – жарит, словно в середине лета. Даже здесь, в тени Храмового Холма, никакого спасу нет, а что на солнцепеке делается, страшно и подумать. Пару сотен лет назад в это же самое время дожди лупили день и ночь без передышки, и королям в те минувшие столетия не раз случалось пропустить восход Певца из-за сплошных облаков. Сейчас в это даже и поверить трудно. Урожай давным-давно убран, а сушь стоит совсем еще летняя, да и жарко. Арнет не любила обманчивую осеннюю жару: от земли уже всю тянет прохладой, особенно по ночам, а поверху стелется душное тепло, словно от остывающей печи. Осень – это время простуженных послушниц, девчонок с распухшими от насморка и облезлыми от солнца носами. Осеннее солнышко коварное... вот только девчонкам никто не указ, даже и Верховная предстоятельница. Бегают босиком и с непокрытыми головами, а потом чихают на весь храм.

Арнет вздохнула и подняла голову. Затылок ломило от жары, перед глазами роились маленькие черные мушки. Оказывается, тень Холма уже накрыла ее, и давно... сколько же времени она провела возле грядки, пытаясь понять указания Богини? Обыденное дело, работа для старших послушниц и младших предстоятельниц – не для Верховной. И справляются они с этим неплохо... вернее, справлялись. До нынешнего дня.

Утром одна из Старших предстоятельниц отвела девочек на Круглое Поле, как и в любой другой из гадальных дней – как всегда, как обычно. Как всегда, послушницы, даже и приблизившись к Рукояти Веера, отнюдь не желали хранить почтительное молчание, а болтали и пересмеивались вполголоса. Как всегда, предстоятельница прикрикнула на них – тоже вполголоса, чтобы не оскорблять Богиню – и присмирившие на мгновение девушки принялись тянуть жребий: кому в какой черед подойти к борозде нынешнего года, чтобы сорвать тысячелистник для гадания. Как всегда, девушки одна за одной сорвали тысячелистник, получили из рук предстоятельницы мешочки с гадальными бирками и книги и уселись на расстеленное возле Рукояти полотно. А вот дальше... дальше не было ничего обычного.

Не растут два цветка одинаковыми, лист в лист – не бывает и двух одинаковых гадальщиц. Вот потому и приходит к бороздам Священного Веера не одна послушница и не две, а трижды по пять, потому они и жребий тянут, кому какое растение достанется. А Старшей предстоятельнице положено не только проверить результаты их гадания, но и соединить – потому что не бывает двух гаданий, чтобы слово в слово пришлись. Полностью все пятнадцать предсказаний не совпадут... не совпадали. Никогда не совпадали. Только сегодня.

Сначала одна послушница пихнула другую локтем в бок: дескать, зачем мое предсказание списываешь – свое составляй! Девушка обиделась и призвала предстоятельницу в свидетели: мол, как листья отсчитаны, так и записано. Предстоятельница обомлела: два предсказания действительно совпали дословно. Спустя самое недолгое время ей пришлось уже не изумиться, а не на шутку испугаться, потому что еще три девушки, управившись со своими бирками и листьями, показали ей в точности такое же предсказание. А когда работу закончили все пятнадцать...

Ничего подобного никогда еще не случалось. Напротив, бывали годы, когда среди пятнадцати гаданий не оказывалось ни одного совпадения. Значит, гадальщицы старались впустую. Значит, не желает Богиня изъяслять свою волю. Значит, ничего судьбоносного ближайшее будущее не сулит. Ни существенных потрясений, ни неисчерпаемой благодати. Как правило, все же хоть парочку совпадений, пусть даже и слабеньких, весьма и весьма сомнительных, отыскать удавалось. Но ведь не дословных! И не пятнадцать! Никогда еще послание Богини не бывало таким повелительным, таким несомненным и грозным... и таким невнятным.

Оно просто-напросто не поддавалось истолкованию.

Старшая предстоятельница трясущимися руками сорвала шестнадцатый тысячелистник, взялась за бирки – и в шестнадцатый раз записала те же самые слова.

А Верховная предстоятельница храма Земли Арнет только что записала их в семнадцатый раз.

Было отчего прийти в смятение. Арнет надеялась получить хоть какое-то указание – как именно следует понимать предназначенное. Девчонки-послушницы могут запечатлеть на свитке очередную волю Богини, и только – с этим никто не спорит – но ей-то, Верховной предстоятельнице, должно же быть ниспослано толкование. Ведь если не ей, то... кому?

По всему выходило, что никому.

Разве что Мавер справится. Мавер всегда и со всем справлялась. Таких, как Мавер, больше и нет вовсе. А ведь так сразу и не скажешь. Вид у Мавер самый что ни на есть простецкий – круглолицая толстушка, носик колобком... вот только высокая, стройная, изысканно красивая Арнет всегда чувствовала себя рядом с ней неуклюжим подростком. Ничего не поделаешь – даже и сейчас, в свои тридцать два года, Арнет все еще робела перед собственным призванием: Верховная предстоятельница всего Окандо, шутка ли сказать! При одной мысли о подобной ответственности оторопь берет. А вот Мавер в бытность свою Верховной предстоятельницей никогда не робела, и с божественным призванием своим управлялась, как хозяйка с нематыми полами: рукава засучить, юбку подоткнуть, да дресвой, да щелоком, да кипятком... хоть белым платком после полы продерни, а ни пятнышка не останется на белоснежной ткани. Мавер была замечательной Верховной предстоятельницей и, когда бы не бесплодие, осталась бы ею и посейчас. Но если предстоятельница до тридцати пяти лет замуж не вышла и ребенка не родила, Верховной ей не бывать. Замуж Мавер вышла рано, едва окончив послушничество, а вот детей завести ей не удалось. Лишь поэтому ее сменила Арнет... незамужняя бездетная Арнет – еще три года, и саму Арнет в ее служении сменит другая... потому что последняя надежда обвенчаться с тем, кого любит, покинула Арнет уже давно, а никто другой ей не нужен – даже ради служения Богине. Выйти замуж за кого попало и родить ребенка, лишь бы сохранить власть... какая немислимая чушь! Жизнь такого не прощает. И Богиня не простит своей служительнице подобного лицемерия перед своим алтарем. Никогда.

Еще три года, и нынешнее знамение пришлось бы толковать совсем другой Верховной предстоятельнице.

Арнет откинула назад густую темную прядь, в которой несколько серебряных волосков потерялись совершенно, и вновь склонилась над разложенными по полотну бирками и листьями. Рядом с ней Мавер выкладывала листья четными и нечетными рядами. Глядя на уверенные

округлые движения ее крепких рук, Арнет внезапно ощутила невесть откуда взявшееся спокойствие.

– Благослови, матушка, – отрешенно пробормотала Мавер, вглядываясь в листья.

– Да осенит тебя благодать, дитя мое, – ответила давно затверженной формулой благопожелания Арнет и прикусила губу. Смешно, что ее называет матушкой женщина, которая ей самой в матери годится. За столько лет своего служения Арнет так и не привыкла к этому обращению – но ритуал есть ритуал.

– Так что там у тебя, детка? – поинтересовалась Мавер уже попросту, без чинов, внимательно разглядывая ряды листьев.

От ее голоса, такого надежного, такого уютного, Арнет показалось на миг, что решение уже найдено, просто они обе почему-то его позабыли – но сейчас они его вспомнят, и все будет хорошо, раз и навсегда. Хаос в мыслях, вызванный предсказанием, улегся, словно котенок у очага. Не только на нее так действовало присутствие Старшей предстоятельницы. Круглая, как шаровая молния и спокойная, как овца на лужайке, Мавер неизменно в любое дело вносила эти два на первый взгляд противоположные свойства своей природы – энергию и спокойствие.

Арнет заглянула через плечо Мавер, пытаясь разобрать окончательный расклад.

– То же самое, что и у девочек, – вздохнула она. – Слово в слово.

– У меня, кажется, тоже, – молвила Мавер. – «По слову огня Земля и Небо вместе сойдутся вдали. Спасение держит в своих руках Хранитель чужой земли». Оно?

– Да, – отозвалась Арнет.

Лучшей мастерицы предсказаний, чем Мавер, во всем Окандо нет, а может, что и не было никогда. Если и у нее сложилось то же самое, значит, другого способа прочесть волю Богини не существует. Однако быстрое отчаяние, покинув Арнет, отнюдь не спешило возвращаться к Верховной предстоятельнице. Взамен пришло усталое терпение – и решимость разобраться с божественной вестью во что бы то ни стало.

– Я не понимаю, как это истолковать, – произнесла Арнет. – Как предотвратить?

– А ты уверена, что нужно что-то предотвращать? – пытливо всмотрелась в нее Мавер.

– Катастрофы предотвращать всегда нужно... и иногда возможно. – Арнет провела рукой по лбу, откидывая назад прядь волос – и рука ее почти не дрожала. – Если Земля смешается с Небом, да еще и по приказу огня – что это, как не катастрофа? Это даже не конец Окандо – это просто конец света... и о каком спасении может идти речь? Кто такой этот Хранитель? А хуже всего, что земля чужая – это как понимать? Что нас всех спасет – завоевание? И кто же тогда завоеватель? Со степью мы замирились – значит, не совсем? Или на нас Риэрн зубки точит? Больше ведь вроде некому. Поневоле задумаешься – а стоит ли принимать такое спасение? Не лучше ли честно умереть, чем бесчестно выжить? Мало нам было прежних дурных знамений, теперь еще и это... и ведь у всех одно и то же, слово в слово, у всех!

– Ну, – осторожно начала Мавер, – я бы на твоём месте рассматривала весть несколько иначе...

– А как? – жадно спросила Арнет.

– Пока не знаю, – призналась Мавер, – но если принять во внимание...

Что именно она собиралась принять во внимание, так и осталось неизвестным. Возможно, оно и к лучшему. Зато Мавер успела посторониться, и набежавшая на нее растрепанная девчонка-послушница не сбила ее наземь.

– Что случилось, детка? – мягко спросила Мавер.

Именно этим и отличается великая предстоятельница, пусть даже и бывшая, от всего-навсего Верховной. Арнет хотела спросить о том же самом – но совершенно в других словах и тем более совершенно другим тоном.

– Беглые огни! – выпалила девчонка, едва переводя дыхание. – Найлисс зажег беглые огни... приглашение на Совет Королей. Его величеству уже сообщили... в Храме Неба уже начинается напутственная служба... а нам что делать?

– Молитвы читать! – почти рявкнула Арнет.

– Благодарственные, – невозмутимо добавила Мавер.

Арнет показалось, что она ослышалась.

– Во всяком случае, я считаю приличным возблагодарить Богиню за то, что сразу же после вести Она ниспослала и толкование, – добавила Мавер. – Иди, детка. И приведи себя в порядок.

Смущенная послушница удалилась почти так же быстро, как и прибыла.

– Просто от сердца отлегло, – улыбнулась Мавер. – Вот оно, твое толкование. И никаких катастроф. Слово огня – это беглые огни, призыв на королевский Совет, тут и вопросов быть не может. Хранитель чужой земли – один из королей... по всей очевидности, его следует на Совете поддержать... вот только которого? Впрочем, там видно будет. Главное, чтобы вы не ошиблись.

– Мы? – удивленно переспросила Арнет.

– Именно что вы, – безмятежно отпарировала Мавер. – Если вдали сойдутся Небо и Земля – значит, ехать следует не только королю, но и тебе. Ведь это ты у нас Верховная предстоятельница храма Земли – или я ошибаюсь?

– Но... почему они сойдутся вместе? – запинаясь, еле выговорила Арнет.

На сей раз она была почти уверена в ответе. Не уверена она была в другом: чего она страшится больше – того, что Мавер уничтожит все ее надежды... или того, что подтвердит?

– Тебе вслух сказать? – прищурилась Мавер. – Вообще-то когда говорят, что мужчина и женщина сошлись вместе, это означает только одно... правда, я думала, что тебе это известно.

Сердце Арнет обратилось в содрогающийся стук кипятка... а потом кипятки растекся по жилам и плеснул изнутри в жарко зардевшиеся щеки.

– Детка, – ласково молвила Мавер, – эта весть не для его величества – ему обо всем сказали беглые огни. Эта весть для тебя.

Если бы! Если бы только Мавер оказалась права, и весть действительно предназначалась ей... и значила именно то, что сказала старшая предстоятельница! А даже если и нет – Арнет уже была готова к любому исходу. В конце концов, двадцать лет безнадежной любви могут кого угодно измучить и состарить до срока.

Впервые Арнет увидела короля едва ли не в самом начале его царствования. Двенадцатилетняя девчонка прыгала, как маленькая, и хлопала в ладоши в ожидании небывалого праздника – подумать только, жребий пал на их провинцию! Именно здесь новый король проведет свою первую борозду в ритуале весенней вспашки! Между прочим, говорят, что король совсем еще молодой, едва восемнадцать исполнилось... вот бы посмотреть – ну хоть одним бы взглядом взглянуть... увидеть, как обнаженный до пояса юный государь, налегая на ручки плуга, проводит свою первую борозду – такую же безупречную, как и он сам... увидеть – и потерять себя, потерять бесповоротно, расстаться со своим сердцем... потому что оно уезжает в столицу вместе с королем, а голенастая провинциальная девчонка стоит возле королевской борозды, пугало-пугалом, и не знает, как сойти с места.

Именно поэтому Арнет решила стать послушницей в Храме Земли. Призвание? Да бросьте вы... это у Мавер – призвание, а у Арнет ничего, кроме любви и смутной надежды. Ведь если она когда-нибудь станет младшей хотя бы предстоятельницей, ей может выпасть возможность съездить в столицу, в главный Храм, а то и отправлять в нем службу – опять-таки если жребий падет на их провинцию... и тогда она сможет снова увидеть короля, сможет даже говорить с ним – пусть даже несколько мгновений – разве их не недостаточно, чтобы посвятить им всю жизнь?

Действительность превзошла полудетские грезы Арнет с невиданным размахом. Она была взята в столичный храм в самом начале своего служения. Она стала предстоятельницей – не младшей, и даже не Старшей, а Верховной. Она виделась с его величеством Аккарфом почти ежедневно и говорила с ним. Но к любимому все это не приблизило ее и на единый миг.

А все из-за того, что наследным королем Аккарф не был. После того, как моровое поветрие в одночасье скосило всю королевскую семью, не оставив ни одного наследника прежней династии, Аккарф был возведен на престол по закону. Если наследников нет, новую династию начинает сын Верховной предстоятельницы. Одна беда – предшественница Мавер была замужем за служителем Бога Смерти. Вот уже двадцать лет минуло, а Аккарф до сих пор не женился и детей не завел. Он не знал, достоин ли он начать новую династию – или же его сменит сын следующей предстоятельницы, как он когда-то принял бразды правления из мертвых рук прежней династии. Дитя смерти, смертью возведенное на трон – не дурное ли это знамение для всей страны, особенно в лихую годину, когда храмовые предсказательницы хорошими вестями не балуют? Не стоит ли уйти в могилу бездетным, уступив венец более достойному? Аккарф не единожды молился о ниспослании ему знака – но Отец-Небо не спешил отвечать своему Верховному предстоятелю.

А Арнет ждала.

Двадцать лет ожидания – и не вдали от любимого, а лицом к лицу... двадцать лет почти-близости... почти-близости, сводящей с ума... двадцать лет ежедневной надежды и безумной, нечеловеческой выдержки – улыбаться приветливо, говорить связно, толково и спокойно... и ничем, ничем, ничем себя не выдать!

– Я думаю, это и есть твой шанс, детка, – очень серьезно сказала Мавер. – Не упusti его.

Где-то там, в дальнем конце улицы пели трубы. Их голоса золотыми стрелами летели ввысь, и небесная синева распаивалась им навстречу. Теплый ветерок ласково касался лица, и слезы под его нежным касанием высыхали сами собой. Нет никакой нужды утирать их платком. Да женщина, стоящая возле окна, и вовсе позабыла о белоснежном кусочке шелка, судорожно зажатом в правой руке. Ей не было до него никакого дела. Только одно ее сейчас и занимало: пение труб, предвещавшее скорый отъезд короля – золотое, как поздняя осень.

О, Риэрн – это вам не Найлисс. Говорят, в Найлиссе зимы снежные, весны пронзительно знобкие, а осень так и вовсе бесстыжая – стоит холодному ветру ее обнять, и она тут же послушно оголяется, сбрасывая листву, не в силах дотерпеть, пока зима укроет дерзкую наготу ветвей от нескромных взглядов. Нет, осень в Риэрне – всего лишь кайма лета, пышная, яркая и очень, очень широкая. Не сразу и разберешь, где кончается подол лета и начинается его прекрасная оторочка. Лето перетекает в осень так незаметно, что иной раз едва к зиме и спохватишься, увидев, что осень не только наступила, но уже почти и прошла. Однако сегодняшний день не вызывал никаких сомнений. Он был осенним, явственно и непоправимо осенним. Солнце изливало из густой небесной синевы такие потоки тепла, что не всякому летнему часу под стать – и все же назвать этот час летним было невозможно. Осенним было пение труб, мерцающее в сиянии дня, и запах цветов, устилающих мостовую, был тоже осенним, одуряюще тяжелым. Цветы, раздавленные могучими копытами, и не могут пахнуть иначе. Цветы, почти сплошь алые и желтые – а как же иначе? Ведь это же поистине королевское удовольствие – попирать копытами своего коня герб давних и ненавистных соперников. Впрочем, почему только герб? Сначала в липкую грязь превратится алое и золотое... а потом настанет черед тех, кто его носит. Непременно настанет – а вы что подумали?

Пристальный взгляд заставил короля Иргитера поднять голову и обернуться. То, что он увидел, ему понравилось. У женщины, что неотрывно глядела из окна вслед своему королю, слезы так и струились по щекам. Иргитер милостиво улыбнулся и даже соблаговолил поднять руку в приветственном жесте. Так и должны выглядеть лица истинных верноподданных перед

разлукой с королем. О, конечно, до отъезда еще не день и не два... но скорбь должна охватывать их души заблаговременно.

Конь под венценосным седоком нетерпеливо всхрапнул, и Иргитер мигом выбросил из головы залитое слезами женское лицо. Однако хорошее настроение не покидало его еще долго – и уж за поворот он направил своего коня, находясь в самом что ни на есть приятном расположении духа.

Только тогда – и то не сразу – женщина осмелилась отойти от окна в прохладную глубину комнаты, сбросить праздничную, черную с серебром, накидку и дать волю слезам уже по-настоящему.

– Успокойся, Нериаль, дорогая. – Муж поспешил обнять ее, прижать к себе, его пальцы гладили ее волосы, но она ничего не могла с собой поделать.

– Он уезжает, – шептала Нериаль дрожащими губами, – он действительно уезжает... Энги, это правда, он уезжает...

Энги печально улыбнулся и еще крепче прижал к себе жену. Энги – и никак иначе... вот уже двадцать лет, как Энги... это в детстве он всех и каждого просил называть себя полным именем – а теперь им лучше не зваться. Лучше и вообще забыть, что оно существует.

В отличие от его уезжающего величества короля Иргитера, Энги не обманывался ни трепетом жены, ни ее слезами. Уж он-то знал: соленые дорожки на щеках Нериаль – это слезы счастья. От горя Нериаль не плакала никогда. Во всяком случае, с тех пор, как их старший сын был казнен по обвинению в непочтительности к королевской особе, так и не дожив до своей пятнадцатой весны.

– Поверить не могу... – шептала Нериаль, комкая ни в чем не повинный платок. – Он ведь и в самом деле уезжает... да благословят боги найлиссского мальчика!

Энги почувствовал, что еще минута – и у него с самого потекут слезы. Мальчик! Король, сумевший склонить степь к миру, уж всяко не мальчик. Мальчики не зажигают беглые огни, призывая королей на Большой Совет. Просто Лерметт, по слухам, хорошо если на год-два старше их с Нериаль младшего сына, Тенгита... а кем еще может быть ровесник сына для матери? Любимого сына... их младшенького... последнего... единственного... Это воля Лерметта заставляет Иргитера отбыть из Риэрна – так пусть же Боги и в самом деле благословят найлиссского мальчика во всех его начинаниях!

Дрожь Нериаль мало-помалу притихла. Энги наклонился и коснулся губами седой пряди, берущей начало у левого виска жены. Вот оно где, черное с серебром – настоящее, неподдельное, не оскверненное ухищрениями геральдики.

– Успокойся, любовь моя, – промолвил Энги. – Он ведь и в самом деле уезжает.

Нериаль утерла слезы и вновь приникла лицом к груди мужа.

– Я так счастлива, – выдохнула она. – Уезжает... может, месяца на два...

– Дольше, – уверенно посулил Энги. – Гораздо дольше.

Кто-нибудь излишне дотошный мог бы упрекнуть его, что он смотрит не на жену, а на стенку – да разве любящие супруги так поступают? Но в том-то и дело, что Нериаль смотрела на ту же самую стенку, а вовсе не на мужа. На стенку, сплошь завешенную прихотливыми драпировками. Но даже если и сорвать с нее все эти расшитые тряпки, ничего не случится. Даже самый излишне дотошный придира, будь он хоть семи пядей во лбу, и то не сможет обнаружить хитроумно укрытую потайную дверь – ту, что ведет в совсем уже потайные покои... туда, где в эту минуту тоже велся разговор и смыкались объятия. Вот только Тенгиту, лежавшему сейчас в супружеской постели, едва сровнялось двадцать – а потому и разговор был совершенно другим, и объятия – тоже.

– Ты – чудовище, – шептал он на ухо жене, откидывая с ее лба влажную прядь золотистых волос. – Ты мое восхитительное любимое чудовище.

– Почему чудовище? – смеялась Лэрни. И снова, как всегда, от ее смеха у Тенгита перехватывало горло. Счастье, острое, как нож, запретное счастье пронизывало его до глубины души, истаивая и рассыпаясь сияющими брызгами, от которых все его тело делалось трепещущим и невесомым, как радуга. Он знал, что жизнь готов отдать, чтобы Лэрни смеялась... а уж наговорить ради этого всяческих глупостей и вовсе проще простого.

– Потому что только чудовище может полюбить своего извечного врага, – плутовски ухмыльнулся Тенгит. – Исконного. Ужас какой. И поделом мне. Я люблю чудовище.

– Да? – притворно возмутилась Лэрни, рывком отбрасывая одеяло. – А сам-то ты тогда кто?

– А я – нет, – еще шире ухмыльнулся Тенгит. – Я-то сразу понял, что ты мне не враг. Сразу, как увидел. С первого взгляда.

Он говорил чистую правду. Так оно и было – сразу, с первого взгляда. Как только он, дальний родич королевского дома, плоть от плоти черно-серебряных, увидел девушку из рода ало-золотых... как только увидел золото ее волос, льющееся по алому плащу...

– Так что я не чудовище, – вздохнул Тенгит. – Я всего-навсего герой.

– Это еще почему? – расхохоталась Лэрни.

– Потому что я люблю чудовище, – скромно потупился Тенгит. – Думаешь, у кого попало на это храбрости хватит?

– Если мне память не изменяет, – ехидно прищурилась Лэрни, – во всех сказках герои поступают с чудовищами как-то совсем по-другому.

– А это неправильные герои, – сообщил Тенгит, зарываясь лицом в разметавшиеся волосы жены. – Глупые. Что они вообще в чудовищах понимают?

– Ничего! – выдохнула Лэрни, и ее дыхание скользнуло по голому плечу Тенгита, лишь на миг опередив губы, с которых слетело.

Только теперь – и то мимолетно – Тенгит подумал об отъезде короля Иргитера. И надо сказать, короля эта беглая мысль никак не смогла бы порадовать. Потому что радовать Тенгит хотел вовсе не короля, а жену. Он и в самом деле жизнь готов был отдать, лишь бы она смеялась. А уж ради того, чтобы она не плакала... и ради того чтобы их ребенок, мирно сопящий в колыбели...

Тенгит навсегда запомнил, каким было лицо его матери в тот день, когда топор палача пресек жизнь его старшего брата. У Лэрни никогда не будет такого лица. Никогда.

– А теперь давай сюда этот подойник!

– Как можно, деточка-ваше-высочество! Это не подойник, а головной убор. Старинный.

– Ну я же и говорю – дай мне этот бархатный подойник с ушами!

Старая Сана укоризненно вздохнула в ответ, но потом не удержалась и все-таки приснула. Еще бы! Кому, как не бывшей танцовщице, знать толк в нарядах. В молодости Сана вскружила столько голов, что и помыслить страшно. Да, с тех пор минуло больше полувека. Да, ветхая сморщенная старушка ничем не походит на давно позабытую ею же самой юную очаровательницу. Но она все еще помнит, что такое хорошо одеваться. Да и с кем Шеррин посоветоваться – с дамами придворными? Вот еще. Старуха Сана получше всех их, вместе взятых, понимает, что такое – одеться соблазнительно и со вкусом... а что такое – совсем даже наоборот. Провинциалки, что с них взять. Как и сама Шеррин. Принцесса она там или нет, а ее родная Адейна – такое захолустье, что любая суланская или найлисская судомойка одевается лучше. Может, и не богаче, но уж лучше – наверняка. Нет, фрейлины ничего не посоветуют толкового. А вот Сана... давным-давно она танцевала в Ланне перед отцом Сейгдена – и восхищенный король осыпал прелестную плясунью золотом. В буквальном смысле этого слова. Кучу золота навалили такую, чтоб она могла закрыть красавицу с головой.

– А что на это казначей сказал? – нетерпеливо спрашивала Шеррин всякий раз, когда ей удавалось уговорить Сану вновь рассказать ей эту историю.

– Казначей, – неизменно отвечала Сана, – вздохнул только и молвил: «Одно счастье, что госпожа Сана росточку из себя небольшого».

Вот так. Золото за столько-то лет расточилось без остатка – а вот опыт, бесценный опыт несравненной красавицы... Шеррин несказанно повезло: коротать старость Сана решила не где-нибудь, а именно в Адейне.

– Это не подойник, – наставительно произнесла Сана, протягивая принцессе высоченный чепец из порядком потертого бархата, отделанный басонной тесьмой. – Это ведро. Пыльное.

Шеррин стукнула чепцом по колену, выколачивая из бархата пыль, и закашлялась.

– Жаль, что его нельзя оставить таким же пыльным, – с сожалением произнесла она.

– Зато его можно постирать, – утешительно напомнила Сана. – Бархат все-таки. Если доверить эту стирку достаточно неопытным рукам...

– Сама постираю! – возликовала принцесса.

– У тебя так плохо, как надо, не получится, деточка-ваше-высочество, – возразила Сана.

– Я постараюсь, – уверенно посулила принцесса. – Где зеркало?

Зеркало исправно явило лик принцессы, над которым возвышался пресловутый чепец. Плохо. Очень плохо. При всем своем ошеломляющем уродстве чепец все-таки не скрывал волосы полностью. Скверно. Иссиня-черные волосы при глазах цвета зеленого орехового меда могут и законченного дурня навести на мысль: «Вот эту бы девочку да приодеть как следует...» Почему-то на такое даже у дураков ума хватает. А надо, чтобы не хватило. Чтобы любой мужчина только и смог, что попятиться в ужасе.

– Впрочем... – Шеррин еще раз критически оглядела свое отражение и согласно кивнула самой себе. – Дело поправимое. Если пустить по краю рюшики и добавить кружавчиков...

– Деточка-ваше-высочество! – Сана приподняла брови движением презрительной красавицы. Брови у нее сохранились изумительные – тонкие, густые, с естественным надломом – и при взгляде на них Шеррин всякий раз охватывала грусть: судя по этим прекрасным бровям, Сана в молодости была чудо как хороша собой. – Надо говорить не «кружавчики», а «кружева». А еще принцесса...

– Если бы я имела в виду кружева, – рассеянно отозвалась Шеррин, пытаясь надвинуть бархатное ведро потуже на лоб, – я бы так и сказала. Но мне нужны именно кружавчики. Такие... ну... мерзопакостные.

Сана хихикнула.

– Ты права, девочка. Поищем. Если пустить именно кружавчики... здесь... – старуха слегка прищурилась. – И вот здесь... да, это любую изуродует. Особенно если розовенькие. Чуть-чуть не в тон.

Шеррин содрогнулась. Кружавчики, да еще розовенькие, «чуть-чуть» не в тон красному бархату... какая же Сана все-таки умница!

– А теперь платье, – напомнила Сана, вновь откидывая крышку сундука.

– Погоди, – решительно произнесла Шеррин: дивный излом бровей Саны навел ее на мысль – но если она хоть самую малость промедлит, ей может не хватить духу. – Платье ты покуда сама поищи – а мне дай пинцет. Я быстро.

– А сумеешь? – Похоже, Сана отлично поняла, что именно собирается сделать ее воспитанница, ее «деточка-ваше-высочество».

– Постараюсь, – уныло посулила Шеррин. – Мне ведь дальше придется делать это самой – так лучше я прямо сейчас и начну.

Удивительно, что могут сотворить с лицом выщипанные, а тем более общипанные брови. К тому моменту, когда Сана выискала в недрах сундука самое, по ее мнению, неподходящее платье, Шеррин в немом изумлении глядела на результат своих трудов. Реденькие бровки, кривоватые, одна короче другой, волосенки жалостно топорщатся...

Сана отложила платье, встала, подошла к принцессе, обняла ее и принялась гладить по голове.

– Надо будет их еще и высветлить, – глухо произнесла Шеррин. – Немного. Чтобы уж совсем противно получилось. И ресницы обкорнать.

– Детка моя... – Сана поцеловала принцессу в разгоряченный лоб. – Это же как приходится уродовать мою адейнскую розочку, чтоб от нее риэрнский лопух отказался!

– На то он и лопух, – хмыкнула принцесса. При одном только упоминании короля Иргитера все грустное настроение куда-то улетучилось – взамен явилась злость. – Где платье?

– Сначала подойник сними, – посоветовала Сана. – После напялишь.

Платье было роскошным. Когда-то. Когда Адейна могла считаться страной если и не богатой, то уж во всяком случае зажиточной. До того, как дед Шеррин из желания заграбастать побольше разрушил все. Плантации масличной розы приносили Адейне... ну, не золотые горы, но, по крайней мере, золотые холмики. А щедрая земля и ласковое солнце не оставляли голодными тех, кто возделывал хлеб, овощи, фрукты и виноград. Казалось бы, чего еще желать? Но нет! Зачем нам всякие там яблоки и прочая пшеница, если розовое масло – единственное в своем роде адейнское розовое масло! – приносит в казну куда больше? Долой виноградники! Прочь пашни! Всю, всю землю до последнего клочка пустить под розы – и грести деньги лопатой! Приказ короля!

Всякий раз, проклиная дедову придурь, Шеррин вспоминала старую шутку про скупердья. Прослышав, что очаг с новой вытяжкой экономит половину топлива, он велел установить у себя в доме сразу два таких очага – чтобы не тратить дров вообще. Действительно, экономия, ничего не скажешь. Покуда половина Адейны была занята под розы, деньги водились и в казне, и у подданных. А вот когда не осталось ни полоски земли под пашню или виноград... О да, розовое масло стоит недешево – а сколько стоит еда? Привозная до крошки еда? Если все, ну просто все приходится ввозить, прибыль расходов не перекроет. Дед рассчитывал, что дела пойдут, как по маслу... розовому, само собой. Дела пошли – хуже некуда. Прежняя Адейна не знала голода. Адейна, покрытая розами сплошь, постоянно жила впроголодь – а то и похуже. Это ведь догадаться надо – одним росчерком монаршего пера поставить себя в зависимость от сбыта одного-единственного товара! А как быть, когда торговцам приходит блажь взвинтить цены на хлеб и прочую еду – ведь у жителей Адейны выхода нет? Покряхтят, да поневоле и купят. Втридорога платишь, а розовое масло за полцены идет. Можно бы восстановить порушенное, вновь завести пашни и виноградники, сады и огороды... но это стоит денег. Денег, которых у Адейны больше нет. Может, Шеррин и удалось бы хоть самую малость наскрести, хоть с мертвой точки дело сдвинуть... когда бы не Иргитер.

Риэрн огибал Адейну с трех сторон, и лишь крохотная общая граница с Юльмом позволяла Адейне хоть немного ослабить удавку, хоть изредка глотнуть воздух. Иргитер хоть и лопух, а понял главное: сама для себя Адейна – тяжелое бремя, она вот-вот изнеможет от нищеты... но в чужом кармане та же самая Адейна – очень даже выгодная покупка. В лапах у Риэрна, имеющего свое, не заемное, хозяйство Адейна способна доиться чистым золотом. Не случайно Шеррин пришло на ум сравнение с удавкой: Иргитер перекрыл Адейне дорогу в шесть приречных королевств из восьми. Он не пропускал через свои границы розовое масло и не покупал его сам – и точно так же поступал с продовольствием для Адейны. Королевства не особо и страдали: просто-напросто мода на аромат адейнских роз сменилась модой на ниллиссский жасмин. Когда бы не Юльм... о, Иргитер охотно придушил бы и эту торговлю. Вот только королю Эвеллю Риэрн не страшен: с такой эскадрой Юльм может надменно взирать на происки Риэрна с верхушки самой что ни на есть высоченной мачты. А вот у Адейны такой эскадры нет. И денег тоже нет. Зато у Адейны есть принцесса. И если риэрнский король, так уж и быть, соблаговолит взять ее в жены, все уладится наилучшим образом: и еды будет вдоволь, и

розовое масло рекой потечет в королевства Правобережья, и настанет для всех жизнь сладкая и сплошной непрерывный праздник.

Шеррин холодела при одной мысли о таком исходе. Отчего бы и не заплатить собою за всех? Ведь именно для этого и существуют принцессы – разменная монета власти. Принцессам не впервой. Еще прежде, чем малютка принцесса научится говорить, ей объясняют, что когда-нибудь она уплатит своим телом за пару пограничных крепостей или полосу бесплодной земли... а при чем тут любовь и прочие сантименты? Вовсе даже не при чем. Шеррин знала, что и ей предстоит та же судьба... но Иргитер хотел совсем иного. Ему нужна была не полоска бесплодной земли, не пара крепостей, а Адейна. Вся, целиком, до последнего розового лепестка. И без законного наследника престола, разумеется. Без Кинейра. Без младшего брата Шеррин. Стоит только Шеррин согласиться на этот жуткий брак – и Кинейру не жить. Отравят его или зарежут... что уж нибудь Иргитер для малыша измыслит. А потом по праву венчанного мужа принцессы он заполучит трон Адейны, сделает ее частью Риэрна, и уж тогда... Как, ну как объяснить проклинающим строптивую принцессу жителям Адейны, что вот тогда-то и начнется самое страшное?

Но если Иргитер сам, по своей воле откажется от Шеррин... если решит, что такая невероятная уродина – слишком уж тяжелый довесок к благодатной Адейне...

– Платье не годится, – покачала головой Шеррин. – Красиво слишком.

– А ты примерь, – захихикала Сана.

Напялив платье, Шеррин едва сдержала радостный вопль. Прабабушка была выше принцессы почти на целую голову, чуть уже в груди и чуть шире в талии. Для того, чтобы платье сидело на Шеррин хоть сколько-нибудь прилично, его надо раскрыть в талии и полностью перешить. А вот если этого не делать... если просто отрезать его понизу... и где тогда окажется талия?

Безбровое, по всей очевидности, лысое коротконогое чучело в бархатном подойнике торчком... а отрезанную от платья кайму надо пустить по груди – рюшечками! Или нет, по плечам – чтобы были узкими и кривыми.

– Вот сюда и сюда надо другой цвет вывести, – ткнула пальцем Сана. – Сразу кривобокая станешь.

Шеррин счастливо улыбнулась и поцеловала няньку в покрытый сеточкой морщин увядший висок.

– Что бы я без тебя только делала!

– Детка... – Сана вновь обняла воспитанницу за плечи. – Может, все-таки останешься, а? Его величество мог бы и сам поехать.

– Нет, – решительно возразила Шеррин. – Если оставить отца наедине с Иргитером, он не устоит. Он привезет мне из Найлисса мой брачный договор. Может, даже обвенчает меня заочно. А меня тем временем риэрнские наемники похитят и привезут Иргитеру, перевязав цветной ленточкой. Думаешь, мне охота перед всеми королями чучело изображать? Выхода у меня нет. Пока Иргитер меня не заполучил, Кинейра он не тронет – а если отец даст слабину, малыша просто убьют.

– А если тебя оставить с Иргитером наедине? – вздохнула старуха. – Боюсь я за тебя.

– Не бойся. – Шеррин накрыла ее левую руку с узловатыми пальцами своей изящной ладонью. – Я ни на шаг не отойду от Эвелля. Уж он-то с таким эскортом поедет... нет, при короле Юльма мне бояться нечего. А уж потом – тем более. На глазах у всех Иргитер ничего не предпримет. Вплоть до самого Найлисса мне ничего не грозит. А вот там, когда всех разместят да расселят по разным покоям... да, там придется остерегаться. Но я что-нибудь придумаю.

Правая рука няньки, такая же морщинистая и распухшая в суставах, как и левая, нежно легла на узкую руку принцессы.

– Детка. – Старуха помолчала немного и вновь вздохнула. – Тебе обязательно надо научиться обкусывать ногти. Обязательно. Иначе с такими руками у тебя ничего не получится.

Его величество Эвелль восседал на перевернутом бочонке. Предосенний ветер трепал волосы короля, перевязанные через лоб узкой лентой, расшитой золотом, раздувал парусом распахнутую на груди белую рубаху с простым отложным воротом. Море подкатывало почти к самым ногам свои зеленые волны – совсем такие же, как зеленый янтарь в единственном перстне на правой руке короля.

Вокруг на бочонках поменьше удобно расположились первые дворяне королевства – вернее, только те из них, чье дворянство начиналось с них самих. Те, кому лет этак двадцать тому назад совсем еще молодой Эвелль предоставил простой и ясный выбор: или петля на рее подожженного абордажной командой корабля – или верная служба короне Юльма и полное прощение бывшего пиратства. Бывшие пираты ни разу не погрешили против клятвы верности, данной под качающейся над их головами петлей. Что ж, король Юльма умел ценить доблестную службу и награждать по заслугам. Старая знать не задирала нос перед новой – особенно после того, как Эвелль невзначай напомнил особо упертым, что их высокородные предки занимались тем же самым, только несколько веков назад... а те, с кого начинается знатный род, предпочтительнее тех, кем он по их собственной дурости заканчивается. Намек был понят, и родовитые особы порешили, что лучше уж новая знать под боком, чем старые пираты в море. Разве не от моря зависит процветание Юльма – а значит, и их собственное? Эвелль умел объяснять изумительно доходчиво: знать усвоила преподанный ей урок, а недавние пираты – хорошие манеры. Чем, как не благовоспитанностью, прикрыть недавние грешки? По правде говоря, ни в одном королевстве никто отродясь не видывал таких благовоспитанных дворян, как те, что сидели сейчас на перевернутых бочонках и смиренно внимали своему коронованному адмиралу.

Притом же Эвелль умел поставить кого угодно на место без малейшей обиды. Вот и сейчас старые вельможи были довольны тем, что именно им, как и во время прежних отлучек его величества, предстоит вершить в отсутствие короля государственные дела, а вельможи новые радовались тому, что их несомненную воинскую доблесть почтили правом сопровождать королевскую особу в столь дальний путь. Одно только непонятно – зачем король собрал их в порту уже после того, как держал во дворце общий совет знати?

– Те, кто остается, свои распоряжения уже получили, – негромко, но звучно произнес Эвелль. – Но вы едете со мной, и вы должны знать, что дело серьезнее, чем кажется.

– Но, адмирал! – возразил его светлость Одноглазый Патря. – Где Найлисс, а где мы? Даже если Найлисс и зажег беглые огни, нам-то что за беда? Общих интересов у нас нет.

– С тех пор, как степь перестала представлять собой постоянную угрозу для Правобережья, – церемонно поправил его Вигнел Левый Крен, – я не могу представить себе общей для наших стран проблемы.

Из всей знати, как старой, так и новой, его сиятельство Левый Крен выражался наиболее изысканно. Дело в том, что Вигнел, как и король, был левшой, и эта черта сходства побуждала его следить за своими манерами особенно тщательно.

– А я могу, – отрезал Эвелль.

На сей раз спорить не попытался никто. Единственно только способность просчитывать все наперед и могла даровать одному победу над многими. Эвелль ею обладал. Он был не просто капитаном, но адмиралом – причем адмиралом, не изведавшим ни одного поражения. Его люди верили своему адмиралу хоть и не слепо, но на его зрение полагались больше, чем на свое. И если уж адмирал видит на горизонте шторм, значит, так оно и есть.

– И Лерметт может, – добавил Эвелль. – Или вы позабыли, как он приезжал к нам уже после ристаний?

– Разве такое забудешь! – во весь рот разулыбался Герцог, которому как раз и выпала честь сопровождать его найлиссское величество во время пребывания в Юльме. Иного имени,

кроме клички Герцог, бывший юнга с пиратского корабля не имел и вовсе – но зато уж ее носил с честью... возможно, еще и потому, что пламенно жаждал с нею сровняться: коль скоро тебя кличут Герцогом, обидно оставаться всего лишь бароном. Это несоответствие иной раз повергало беднягу в тайную печаль, но он неизменно утешал себя тем, что еще не все потеряно.

– А если так, – ровным голосом промолвил Эвелль, – припомни-ка, чем он у нас интелесовался особо?

– Лоциями старыми, – незамедлительно ответил Герцог. – Новыми тоже, но старыми больше всего. И архивами гильдий. Рыбная ловля, рыбная торговля... и зачем оно ему, если от его Найлисса до моря, как великому аргину до мачты?

– Вот и я так подумал, – согласился Эвелль. – А после решил, что молодой король просто-напросто дела свои в порядок приводит. Возможный объем торговли наперед рассчитывает – и рыбной, и заморской.

– Да зачем ради этого самому-то ездить? – встрял Легарет Кривой Румпель, раздувая ноздри того самого органа, которому он и был обязан своим боевым прозвищем. – Довольно ведь первого помощника послать...

Эвелль невольно улыбнулся. Румпель был редкостно умен и неплохо образован – настолько, что сумел по заслугам занять министерский пост – но никакая сила в мире не смогла бы заставить этого самородка именовать министров и советников иначе, нежели лоцманами и квартирмейстерами.

– Наверяд ли, – все еще улыбаясь, возразил Эвелль. – Первым помощником у Лерметта знаешь кто? Гном ученый, да впридачу еще и доктор наук из Арамейля. Такого поди пошли, попробуй... как бы он тебя самого не послал.

– Такой может, – скорбно кивнул Патря, которому во время ристаний однажды довелось беседовать с Илмерраном.

– И еще – Лерметт не из тех, кто всю работу на первого помощника переваливает, – сообщил Эвелль. – Он из тех капитанов, кто самолично во все мелочи входит.

– Дельный парень, одним словом, – одобрил Левый Крен, в азарте беседы позабыв на мгновение о изысканных манерах. – Я бы такого к себе к себе боцманом, пожалуй, взял.

– Боцманом, говоришь? – усмехнулся Эвелль. – Ну нет. Подымай выше. Это он бы тебя к себе боцманом взял... может быть.

Вигнел сконфуженно потупился.

– Впрочем, я и сам хорош, – вздохнул король. – Самым простым объяснением довольствовался... а того не взял в толк, что Лерметт ездил не только к нам.

– Ну да, – чуточку растерянно произнес Румпель. – К эльфам он ездил – это еще перед ристаниями – в степь ездил, потом к нам, потом в Арамейль...

– А потом зажег беглые огни, – подытожил Эвелль. – Эльфы, степь, Юльм, Арамейль... я не знаю в точности, что за беда заставила его созвать королей, но беда эта касается всех.

– А если не в точности? – полюбопытствовал Одноглазый Патря. Никто другой не посмел бы позволить себе такую вольность, но Патре прощалось многое – в конце концов, никто иной, как он, первым принес клятву верности новому адмиралу.

– А если не в точности, то мне страшно, – помолчав, признал король.

Румпель недоверчиво дернул кончиком носа. Герцог улыбнулся с готовностью: еще бы – такую замечательную шутку адмирал отмочил! Зато более сообразительный Патря побледнел, а Вигнел Левый Крен выругался так, как и в бытность свою пиратом себе не позволял.

– Совершенно верно, – кивнул Эвелль – Именно так дела и обстоят. Румпель, сообрази хоть ты – что можно высмотреть в лоциях за две-три сотни лет? А заодно и в расписках за треску и прочую селедку? Что изменилось за эти века?

– Морские течения, – уверенно ответил Румпель – недаром же его так ценил Одноглазый Патря в свое время: никто на его судне не знал навигацию так хорошо, как Легарет. – И сильно. Рыба не в прежних местах ловится. Но какое касательство наши уловы имеют до Найлисса?

– Уловы-то наши, – вздохнул Эвелль, – а вот беда – общая. Головой думайте, капитаны, головой! Уж если Лерметта понесло не только к нам, а еще и в степь, и к эльфам, и в Арамейль... меняются не только морские течения.

– Так ведь это... – испуганно прошелестел Герцог – на сей раз именно он сообразил первым.

– Да, – жестко подтвердил Эвелль, расправив свои широкие не по росту плечи. – Не только море, но и суша. Похоже, меняется и вообще лицо мира. А это касается всех.

Глава 3

Что поставлено на карту

– Как только вся остальная твоя компания утомится, приходи в кабинет Илмеррана, – произнес Лерметт с отсутствующим видом: мысли его были явно уже заняты чем-то другим – вероятно, тем самым, о чем он собирался совещаться с другом и наставником спустя самое недолгое время.

– А как я его найду? – поинтересовался Арьен.

– Алани тебя проводит, – кивнул Лерметт в сторону вытянувшегося наизготовку русоволосого паж.

Эннеари вытаращил глаза.

– Алани?! – переспросил он и неожиданно расхохотался.

Лерметт несколько мгновений непонимающе взирал на него, затем сообразил и тоже разразился хохотом.

– Алани! – повторил он, не в силах справиться со смехом.

– И что тут смешного? – вопросительно приподнял бровь паж. Эннеари понравилось, как он спросил: совершенно без обиды. Он просто и спокойно осведомился.

– Ну да, ты же не знаешь по-эльфийски, – с трудом промолвил король, утирая слезы смеха. – А я раньше не соотносил как-то. «Алани» на эльфийском означает «подарок на память»... только не всякий подарок, а... как бы это лучше сказать... с намеком, что ли...

– Пожалуй, точнее всего, – с невозмутимостью, стоившей ему огромного труда, заявил Арьен, – это слово переводится как «тот еще подарочек».

– Что ж, – задумчиво произнес Алани, – по-моему, термин соответствует именуемому им объекту удовлетворительно.

Король и эльф переглянулись и вновь грянули хохотом.

Утомить остальную компанию особого труда не составило. Все-таки день выдался на диво разнообразный. Найлисс – город удивительный, и полюбоваться на него стоило. Даже если бы никто и не хотел разглядывать всевозможные чудеса и диковинки, на то есть Лоайре. Арьен сильно подозревал, что этот помешанный способен и мертвого уговорить подняться и пойти взглянуть на прелести здешнего зодчества – что уж говорить о живых! Живые весь день провели в блужданиях по городу, и теперь едва держались на ногах: все-таки нет у эльфов привычки расхаживать по мостовой. Вот и славно. Никакой надобности нет за ними приглядывать. Наверяд ли хоть кто-нибудь способен на большее, чем поужинать, умыться и с блаженным стоном рухнуть в постель. Разве что этот кто-нибудь догадается заняться самоисцелением и снять усталость... да нет, опять-таки навряд ли. Никто сейчас не в состоянии подумать о себе. Головы у всех заняты балконными и оконными решетками, резными карнизами, крестовыми сводами, шпилями, куполами, башенными зубцами и прочей восхитительной дребеденью. Вот даже и неутомная троица – Аркье, Ниест и Лэккеан – и те зевают и спотыкаются. Достаточно разогнать после ужина всех по комнатам, и можно быть совершенно спокойным: до утра ни один из своей комнаты не выйдет.

Покончив с ужином, Эннеари принялся шарить взглядом по Гостиной Гобеленов, отыскивая Алани. Паж вынырнул словно бы из ниоткуда совсем рядом с ним. Занятный паренек, ничего не скажешь. Арьен уже успел убедиться в его способности исполнять свои обязанности, как бы и вовсе не показываясь на глаза, и при этом безошибочно возникать именно там и тогда, где и когда он нужен. Лучшего паж и пожелать нельзя. Впрочем, иного и ожидать не следовало. Не такой Лерметт человек – да и не такой король, к слову сказать – чтобы держать

у себя на службе неумех. Но парень все равно занятный. А уж манера изъясняться у него... более чем странная.

– Я готов, – безмолвно просигналил пажу Эннеари, и тот столь же безмолвно кивнул.

И едва только закрылась последняя из дверей, как «тот еще подарочек» развернулся, подошел к гобелену с изображением речной долины в окрестностях Риады, откинул его в сторону и отворил скрытую им прежде небольшую дверь.

– Нам сюда, – объявил он. – Самый короткий путь.

Да, если учесть, сколь многочисленны и запутанны дворцовые коридоры и переходы, такую роскошь, как возможность сократить себе путь, никак нельзя почесть излишней.

– И как ты только ухитряешься не заблудиться? – поинтересовался Эннеари, глядя, как ловко ориентируется Алани в запутанном лабиринте галерей и коридоров, уверенно выбирая единственно нужный.

– Можно, – спокойно кивнул Алани в ответ. – Можно и заблудиться. Дворцы ведь для того так и возводят, чтобы человек со стороны заплутал. Я первым делом у Его Всезна... то есть у советника Илмеррана план дворца попросил и назубок его вызубрил.

Вот так. Интересные все же у Лерметта пажи. Или это так повсеместно принято?

– Пришли, – сообщил Алани, отворяя очередную дверь, и привычно посторонился, пропуская эльфа вперед.

Кабинет Илмеррана заставил Эннеари изумленно зажмуриться. Несколько мгновений спустя он осторожно приоткрыл глаза. Нет, ничего не изменилось. Он словно бы провалился в пространстве и времени на... сколько же лет тому назад? Вот сейчас Илмерран скажет ему неизменное: «Проходи, садись – да сколько же можно заставлять себя ждать», – и урок начнется, как начинался всякое утро...

– Ничего удивительного, – нетерпеливо заявил Илмерран, прекрасно догадавшись, что за чувства обуревают его бывшего ученика. – Гномы, как тебе из моих прежних лекций должно быть известно, весьма постоянны в привычках. По крайней мере, в тех случаях, когда нет смысла тратить силы и время на то, чтобы обзавестись новыми. Было бы странно, если бы мой здешний кабинет выглядел иначе, нежели прежний. Проходи, садись – да сколько же можно заставлять себя ждать!

Эннеари усмехнулся и вошел в кабинет. Как он и полагал, Лерметт его опередил. Трудно сказать, сколько времени он уже пробыл в этом кабинете, склонясь над столом, и облик короля ничуть не меньше, чем обстановка кабинета, утвердил Эннеари в мысли, что время вытворило какой-то особо хитроумный курбет. Ни парадного майлета, ни тем более нарретталя на короле не было – совсем как встарь. И рукава рубашки закатаны до самых локтей. И никакой короны на голове, ни даже шапочки-бриолета – волосы перехвачены узким кожаным шнурком. Может, если откинуть занавесь и распахнуть настезь окно с великолепными витражами, взору откроется покрытый бугристыми льдинами Хохочущий Перевал?

– Дозвольте вам помочь... – начал было паж.

– Не дозволю, – отрезал Илмерран, возвращаясь к занятию, от которого его оторвал приход Арьена – а именно, к разворачиванию и сворачиванию громадных свитков пергамента. – Сам найду. А его величеству и вовсе нечего под руку лезть. Лучше прибережи вот эти свитки. Я их уже просмотрел, там нет ничего нужного.

Он рывком развернул очередной свиток почти до половины. Перед глазами Эннеари мелькнула и вновь скрылась изображенная на пергаменте карта – словно плясунья пестрым платком махнула.

– Совсем даже не то, – скривился гном, сворачивая свиток.

Эннеари подошел к столу, над которым склонился Лерметт.

– Сейчас, погоди, – отрешенным голосом произнес Лерметт. – Я уже заканчиваю.

– Я тоже, – сообщил Илмерран. – Вот она.

Нужный свиток был едва ли не выше самого Илмеррана. Алани, по своему обыкновению, возник подле гнома в должное мгновение, и вдвоем они сноровисто развернули карту. Глянув на изображение на пергаменте, а затем на стол, Эннеари чуть было не рассмеялся.

Вот это да! Пожалуй, гномья педантичность не уступят разве что людской нетерпеливости. Лерметт, судя по всему, не пожелал дожидаться, покуда Илмерран отыщет нужную карту, и в то самое время, когда гном разворачивал один за другим тяжеленные свитки, Лерметт рисовал искомую карту по памяти. Под его пером стремительно возникали горы и низины, встопорщивались крохотными башенками города, струились чернильной влагой реки, беззвучно шелестели леса. Эннеари залюбовался его работой. В точности ведь то же самое изображение... э, нет! Такое же, да не такое. Вот этих обозначений на пергаменте Илмеррана нет!

– Что это? – удивленно спросил Арьен, когда рука Лерметта уверенно вычертила еще несколько странных загогулин поверх прежних.

– Ветер, – ответил Лерметт, не подымая головы. – А вот это... впрочем, неважно. Сам сейчас увидишь.

Он утомленно разогнулся и отложил перо.

– Готово, – молвил он. – Вот сейчас только чернила просохнут, и можно начинать.

– Это еще долго? – поинтересовался Илмерран. В чем бы ни заключалось предстоящее гному дело, ему явно не терпелось приступить к нему тотчас же.

– Совсем нет, – ответил Лерметт, разминая пальцы. – Можно, конечно, для быстроты песком посыпать...

– Ни за что! – пылко воскликнул Алани, на всякий случай отодвигая подальше от короля песочницу. – Ну, вы и сказанули, ваше величество!

– Да, ведь и верно, – усмехнулся Лерметт. – Забыл совсем.

Куда как интересно. Кажется, не далее как перед ужином Арьен почел манеру Алани разговаривать странной? Действительно, странная. Особенно для вышколенного пажа. И чем дальше, тем более странная.

– Магу за работой еще и не такое можно, – усмехнулся Лерметт в ответ на невысказанный вопрос Эннеари.

Магу? Магу?! И это в его-то годы... а кстати, сколько их, этих самых лет?

– Лет-то тебе сколько? – ошарашенно поинтересовался Арьен у Алани.

– Пятнадцать с половиной, – гордо заявил паж таким тоном, будто пятнадцать с половиной лет – возраст зрелый и, безусловно, почтенный, а шестнадцать, до которых ему всего-то полгода и осталось, так и вовсе старость, и ему за упомянутые полгода нужно еще ой-ой как много всякого разного успеть, покуда не превратился в ветхую развалину.

С ума можно сойти! Да нет, не просто можно – ничего другого сделать нельзя. Только сойти с ума. Конечно, мимолетные эфемеры и учатся всему на лету – им иначе нельзя: времени у них нет подолгу рассусоливать. И люди из этого правила никак уж не исключение, напротив. Но все же... даже и для человека – нет, нет и еще раз нет! Магия больших познаний требует. Пусть Алани и усвоил только их начатки... все едино – и когда он успел? Пусть он едва умеет колдовать... чтобы в неполные шестнадцать лет... невозможно. Непостижимо. Люди – создания быстроумные... но ведь не настолько! Тут никакое быстроумие, никакое природное дарование не поможет. Чтобы стать магом в пятнадцать с половиной, даже и таланта никак уж не довольно. Для такого надо быть гением. И вот этот вот гений...

– Это что же получается? – гневно спросил разом изнемогший от чудовищной несправедливости Эннеари. – Выходит, у тебя прирожденный маг гостям вино наливает и по дворцу с поручениями носится?!

– Конечно, – пожал плечами Лерметт. – Самая та работа для вельможных сынков, пока в возраст не вошли. Не бездельничать же им. Бывают занятия и похуже.

– Да? – прищурился Эннеари.

– Представь себе, да, – хмыкнул Лерметт. – Конечно, я в свои пятнадцать уже вернулся из первого своего посольства...

С уст Эннеари едва не сорвалось: «Вот видишь! Себя в его годы вспомни!»

– ... а прежде того, – невозмутимо заключил король, – я навоз из конюшни выгребал. И котлы на кухне драил.

Эннеари вытаращил глаза.

– Для наследного принца в пажих разгуливать – не по чину занятие, – посмеиваясь, пояснил Лерметт. – Больно уж чистенькое. Щеголяй себе в новеньком майлете да кружевных манжетах... нет. Уверяю тебя, если бы можно было отправить с посольством кого другого, а не меня, отец бы так и сделал. Потому как нечего малолетним высокородиям прежде времени нос задирать.

– П... понятно, – пробормотал ошеломленный Арьен.

– Будь Алани всего только магом, – безжалостно присовокупил Лерметт, – он бы у меня все лето котлы драил и дрова рубил. Пажом он служит не как маг, а как студент Арамейля. Надо же парню время оставить для летнего задания.

– Я его уже выполнил! – оскорбился Алани.

– Это тебе только кажется, – усмехнулся Илмерран. Взгляд гнома неотрывно следил за картой, вышедшей из-под пера Лерметта: просохла ли?

Вот оно как... что же, тогда все становится на свои места. Арамейльский университет возрастом своих студентов не считается. Может и дряхлого старца в обучение принять, может и ребенка, едва только наловчившегося ходить, поименовать студентом. Годы – ерунда, внешнее. Другое важно – на что ты способен... а сметливый Алани наверняка способен на многое. В том числе и на учебу в Арамейле. Навряд ли он успел проучиться больше года – но и за год в Арамейле можно узнать уйму всякого разного, если времени даром не терять. А уж по части магии... да лучших магов, чем те, что преподают в Арамейле, нигде не сыщешь!

– Так ты на отделении магии учишься? – понимающе спросил пажа Эннеари.

– Да нет, – к величайшему изумлению Арьена, ответил Алани. – И не собирался даже. На курс магии меня записали дополнительно. Распоряжением ректора. Я на отделение прикладной математики поступил. А магия – это так, разве что удовольствия ради...

– Это тебе только кажется, – отрезал Илмерран.

Еще бы! Перепутать свой основной дар с дополнительным – случай нередкий. Сколько же иной раз лет впустую уходит, куда жизнь все расставит на свои места – подумать страшно. Со стороны оно виднее – да только кто станет слушать советы стороннего! Вот и происходят подобные ошибки повсеместно... за исключением Арамейля. Уж если ректор своим распоряжением зачисляет кого на отделение магии – значит, этого властительно требует его талант. Тот самый, основной, еще неосознанный. Об заклад биться можно – быть мальчишке магом, да притом из лучших... а вот развлекаться на досуге он будет как раз математикой. Прикладной.

– По-моему, просохло, – заметил Лерметт. – Можно начинать.

– Согласен, – кивнул Илмерран и обернулся к Алани. – А ты что скажешь?

Алани придиричиво исследовал карту.

– Можно, – одобрил он после недолгого молчания. Лицо его было серьезным и сосредоточенным, в глазах не осталось ни смешинки, рот отвердел. Даже нахальная ямочка на подбородке сделалась жесткой и властной.

– Давай-ка, помогай, – бросил Лерметт Арьену, взявшись за найденный Илмерраном пергамент. – Укладывай ее.

– Куда? – удивился Эннеари.

– На стол, – нетерпеливо скомандовал Лерметт. – Поверх моей. Уголок к уголку, ровненько. Чтоб ни на волос в сторону. Давай, лучник. У тебя глазомер получше моего будет.

Спустя некоторое время совместными усилиями эльфа и короля карта была наконец-то уложена правильно. Алани в этом участия не принимал. Он стоял, сложив ладони вместе, и поминутно вякал: дескать, неровно... и опять неровно.

– Годится, – изрек он отсутствующим тоном, когда Лерметт от излишнего усердия едва не сдернул нечаянно пергамент на пол.

– Тогда приступай, – скомандовал Илмерран.

– Я уже приступил, – прежним, чуть рассеянным и вместе с тем сосредоточенным голосом отозвался Алани.

В кабинете сделалось необыкновенно тихо. Казалось, напряги слух – и услышишь, как струится вверх пламя свеч, поставленных в высокие шандалы. Алани развел слегка сомкнутые прежде ладони, потом округлил их, словно держа на весу незримую чашу. Пальцы и запястья его понемногу напрягались: невидимая чаша явственно тяжелела. А потом Алани, занеся руки над столом, сжал пальцы, ухватывая несуществующую чашу за края, и резким коротким движением разломил ее, изливая таинственное ее содержимое прямо на карту.

Эннеари еле слышно ахнул.

Он почти уже начинал догадываться, что именно делает Алани... всего лишь почти – но тем неожиданнее оказался эффект.

Карта ожила – словно бы распластанные по пергаменту образы вновь обрели плоть.

Медленно воздвиглись из недр рисунка Пограничные Горы; их головы забелели искристым снегом, темные каменные плечи оделись кудрявым бархатом леса. Медленно, как если бы спросонок, разлилась по степи слегка тронутая уже легкой желтизной предосенняя зелень высокотравья. Неслышно вздохнула сахарная белизна известковых скал Сулана, задумчиво нахмурились прибрежные дюны Юльма. На речных волнах заплясал переменчивый своенравный блеск. Крохотные города вздергивали кверху башенные зубцы, выблискивали огоньками обливной черепицы, тыкали в небо острыми шпилями. И совсем уже крохотными, едва различимыми огоньками высверкивали изредка доспехи пограничных разъездов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.